

Мис Мария Метлицкая

— Рассказы разных лет —

Обычная женщина,
обычный мужчина

Мария Метлицкая

**Обычная женщина,
обычный мужчина (сборник)**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Метлицкая М.

Обычная женщина, обычный мужчина (сборник) /
М. Метлицкая — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-92060-0

Миллионы мужчин и женщин чувствуют себя несчастными, потому что считают, что совершили неверный выбор. Они живут с самыми обычными, заурядными «половинами», а ведь мечтали о прекрасном принце или красавице принцессе. И им даже не приходит в голову, что до счастья – совсем маленький шаг. Не бывает обычных женщин и обычных мужчин. Мы все в чем-то особенные. Надо просто присмотреться к человеку, с которым живешь. И, вполне возможно, выяснится, что прекрасный принц или красавица принцесса всю жизнь были рядом. Просто понадобилось время, чтобы это понять.

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-699-92060-0

© Метлицкая М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Обычная женщина, обычный мужчина	6
Общие песни	24
Не родись красивой	29
Цена и плата	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Метлицкая
Обычная женщина,
обычный мужчина (сборник)

© Метлицкая М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Обычная женщина, обычный мужчина

Он смотрел в окно. Как всегда, ожидая ее. *Ego* женщину. Лину. Так было легче пережить эти невыносимые минуты ожидания. Она, разумеется, опаздывала – ну, женщина, что тут скажешь. Хотя... Смешная, маленькая аферистка и интриганка. Так, слегка. Она затягивала. Затягивала минуту встречи. Разумеется, для того, чтобы он...

Нервничал. Опасался. Дергался. Сомневался. Короче – страдал.

Для чего, спрашивается? Для того чтобы еще раз осознать, что она – невыносимый, невозможный подарок?

Да он это и так прекрасно осознавал. Просто пощекотать нервы? Разумеется.

Он, Лев, взрослый человек, относился к этому с пониманием и с легкой усмешкой – дуручка! Да разве он... хоть на минуту сомневался, что такое ОНА? Она в его жизни. В его судьбе.

Нет, интриганка, ей-богу! Он смотрел в окно. Такси подъехало к дому ровно в пять. Ровно! А она... Эта его красавица...

Посмотрела на часы, огляделась окрест и – направилась к палатке, стоящей на краю дороги.

Минут пять разглядывала скудную витрину. Потом протянула деньги и взамен получила какой-то предмет. Рассмотрела его не спеша. Развернула. Надкусила и – выбросила в урну.

Потом снова открыла кошелек и протянула в окошко деньги. На сей раз рука продавщицы оказалась с бутылкой воды. Она открыла пластиковую крышку, сделала пару глотков и убрала бутылочку в сумку.

«Предусмотрительная моя! – подумал он. – Рачительная какая!» Ну не пропадать же добру, ей-богу.

Снова взгляд на часы, и – медленно пошла к подъезду. Медленно.

Ну, пять минут – да, мои: чего ж не потянуть?

Он отошел от окна. Вот! Наказать. Наказать и проучить. За все эти муки. Нет, негодяйка просто! Ведь эти пятнадцать минут – просто целая жизнь, вот что такое эти драгоценнейшие пятнадцать минут. Сколько раз можно обняться? А сколько поцеловаться? А просто прижать ее к сердцу и послушать ее дыхание и толчки в груди? Вдохнуть запах ее волос и ее духов? А поговорить? Поставить чайник и небрежно, не отворачиваясь от плиты, спросить: «Ну а как вообще? Скучала?»

И обернуться не сразу. Не сразу, потому что сразу она и не ответит.

А она... Теряет время, теряет. Палит, жжет. Не ценит, короче. А оно – такое драгоценное, такое невеликое – ИХ время. Такое неприлично короткое, торопливое. Словно кто-то специально подкручивает стрелки часов.

Чушь какая! Никто, разумеется, не подкручивает. Просто пролетает оно так стремительно, так невозможно и беспощадно быстро, что... Никогда его не хватает.

Как всегда не хватает времени для счастья.

А вот проучить! Не открыть сейчас дверь – типа нет его. Не приехал. Не смог. Даже позвонить не смог. Что-то случилось. Вот и пусть поспихует. Может, тогда поймет и откажется от своих дурацких бабских штучек.

Раздался звонок – их звонок. Три коротких, два длинных. Конспираторы, блин. Никто об этой квартире не знал – даже Димон, лучший друг. Так, на всякий случай.

Он стоял под дверью, затаив дыхание. Звонок нетерпеливо и настойчиво повторился. Он посмотрел в глазок – так, мобильный. Сейчас она наберет его, и его телефон зазвонит. И все – спалится за милую душу. Совсем глупо. Или? Да я заснул! Вырубился просто. Устал, знаешь

ли. Работа, жена, ребенок. Уж прости, любовница. Прикинуться шлангом. Ты – любовница. Все. Совсем несложно.

Сложно – когда любимая. При всем перечисленном выше.

Запиликал его мобильник. Тихо – правильно, он в кармане куртки, куртка в комнате. Дверь в комнату закрыта. С лестничной площадки его не услышать. Славно.

Ну, и что дальше? Тишина. Думает. Вот пусть и подумает, как расточать время. Шоколадка, водица, неспешная походка. Отлично.

Он глянул в глазок. Она растерянно смотрела на телефон. На лице – недоумение и тревога. Тревога – точно. Точно?

Он распахнул дверь и встретился с ней глазами. Она упала ему на грудь и крепко обняла его за шею.

И тут он услышал – ее дыхание. Толчки в груди. Вдохнул запах ее волос и ее духов.

И – кончился мир. Кончилась жизнь, где есть работа, жена и ребенок. В *этой* – настоящей – жизни была только она. Ну и еще, разумеется, он.

И больше никого на свете. И ничего. Потому что им, собственно, все остальное было не нужно.

* * *

Минут через пять она отпрянула, открыла глаза, закинула голову и тихо сказала:

– Ты меня напугал. Почему? – она нахмурила брови.

Он не ответил. Бережно снял с нее плащ и спросил:

– Кофе будешь?

Она тоже не ответила – ясно, обиделась. Он пошел на кухню варить кофе. Она долго стояла в прихожей, снимала сапоги, ковырялась в сумке, потом отправилась в ванную, включила воду.

Когда зашла на кухню, кофе уже стоял на столе. В этой квартире не было ничего, кроме пачки хорошего кофе, жестяной банки с чаем и пачки каких-то древних, в бозе почивших сухарей.

Кофе она пила без сахара. Смешно! С ее-то цыплячьим весом.

– И? – спросила она.

Лина любила определенность. Странно, а жила в *такой ситуации* уже почти два года.

– В туалете был, – безмятежно ответил Лев.

Она понимающе кивнула. Дальнейшие вопросы отпадали. Бывает.

Он подошел к окну и закурил. «В игры играем, – подумал он. – Кровушку полируем. Как дети, ей-богу. А зачем? Зачем? Самые близкие на свете люди. А ведь хотим подергать за ниточки. Манипулируем друг другом. Прикидываемся и прикальваемся. Идиоты».

Он обернулся и посмотрел на Линин затылок.

Ничего. Ничего не надо, кроме того, чтобы подойти к ней и обнять. И поцеловать ее в этот самый затылок. Все.

Что, собственно, он и сделал. Через пару секунд.

Сумерки. Понятно, что, скорее всего, уже ближе к восьми. Он повернулся и посмотрел ей в глаза.

Темнота. Нет, чернота. Таких глаз он никогда не видел. Чтобы не были различимы зрачки. Такой вот цвет глаз. Называется – черные. Очи черные, в смысле. Не карие – нет, в карих видны зрачки. А именно черные. Как ночь. Мрак. Таинство. Как вся его «нонешняя» жизнь.

– Пора? – хрипло спросила она.

Он посмотрел на часы и мотнул головой.

– Не-а, еще минут сорок.

Лина потянулась за сигаретой.

– Ну, как вообще? – спросила она.

– Да так. Нормально вроде. Без эксцессов и перемен.

– Хорошо, – кивнула она.

– Да? – удивился Лев. – Ну, наверное.

– Определенно, – уверенно сказала она, – время перемен еще не настало.

– Тебе виднее, – обиженно сказал он.

Она сделала вид, что не заметила.

– А как Василиса?

– В порядке, – он слегка оживился, – танцы эти... Только танцы эти в голове. И все.

Неправильно как-то.

– Правильно, – отозвалась Лина, – сосредоточиваться надо на чем-то одном. Если распляться – не хватит сил. Им и так тяжело – такие нагрузки. У нас такого не было.

Лев кивнул.

– Не было, да.

Вспомнился двор, стая мальчишек, драный футбольный мяч, самодельные ворота. Киносеансы в девять утра. В воскресенье. Родители еще спали. А они встречались во дворе – он, Димон, Санька и Ирка, Санькина сестра, и бежали в киношку.

Славное время. Детство. Есть что вспомнить.

А его дочери? Василисе? В школу на машине с мамой. Встречает тоже мама. Бутерброды и термос в машине и... попилили по пробкам – танцы. Священная корова – эти танцы. Только и разговоров, что про конкурсы, костюмы по безбожной цене, интриги внутри – родители, сами танцоры, партнеры, учителя.

Словно на кон поставлена жизнь. Васька замученная, бледная. В постоянном ожидании плохих и коварных вестей. Бред!

А просто выйти во двор и потрепаться с девчонками? Сбегать к метро за мороженым и пирожками? Втихаря смотаться в зоопарк или на выставку? Нет всего этого.

И подружек нет. Есть соперницы. «Эта дура Волкова, эта идиотка Федоренко. Цветкова толстожопая, и туда же».

Не ребенок, а маленькая, уже обиженная и вредная женщина. Колготки, лосины, тени, блеск для губ. Жареного нельзя, печеного тоже: «Ты что, папа? В своем уме? Какие пиццы и пончики?» И презрительно скошенный рот. И еще – взгляд на маму: ну что он понимает? Этот...

А мама все поймет, тяжело вздохнет и понимающе посмотрит на дочку: да что с него возьмешь, милая? Все ж и так понятно! Вахлак.

У них с дочкой своя жизнь – свои шепотки, свои секретки. Свои разговорчики.

Он – сбоку. Нет, он, конечно, необходим – деньги, деньги, статус и статус. Муж, отец, хорошая должность. Семья. Господи! Какая там семья, когда... Когда он говорил с женой о жизни лет пять назад! А спал с ней... Ну нет, здесь срок, правда, покорооче. И все равно. Они и он – вот такая семья. Они вместе, он поодаль. Отмахиваются, вздыхают, терпят. Все мужики, моя милая! Все как один!

Жизнь – это сплошной компромисс! А уж семейная...

Она умная, его жена. Все это знают. А она – лучше всех. И дочку плохому не научит – ни-ни.

Научит, как жить. Как правильно выйти замуж. Как построить карьеру. Как принориться. Как находить компромисс.

А как *быть счастливой*? Научит ли? Для этого надо быть счастливой самой.

А глядя ей в глаза... Сомнительно как-то.

Но! Никогда. И ни за что. Он. Ей. Той, кто лежит сейчас рядом. На наволочке в розовый пошлый горошек. Чужой наволочке. Той, что дороже всей жизни, он никогда и ничего ЭТОГО не расскажет. А ведь если не ей, то кому?

И это называется – *самые близкие на свете люди*?

Странная жизнь, господи! Странная.

И как он устал от всех этих компромиссов! Кто бы это знал...

* * *

Лина смотрела на него и думала, что о такой любви она и не мечтала. Хотя влюбчивой была с самого детства. Мама говорила, еще в детском саду она объявила, что «женится с Мишкой Некрасовым». Мишка Некрасов был местным плейбоем. Кудрявый, черноволосый, с огромными голубыми глазами и девичьими ресницами. Даже воспитательницы умилялись Мишкиной красотой. За ним приходила мама – такая же неопишуемая красотка с томным взглядом и капризно надутыми губами. Она шла по аллее, и все – от воспитательниц и нянечек до девчонок-соплюшек, – раскрыв рты, не могли отвести от нее глаз.

Лина тогда подумала: «Хочу быть *такой!* Такой же тонкой, томной, в белом пальто и высоких блестящих сапогах. Такой же неотразимой».

Мишка ей «изменил» – через полгода. Когда в старшую группу пришла девочка с красивым именем Лиана.

Она переживала – ей-богу, переживала. И плакала по ночам. Когда встревоженная мама поняла, в чем дело, она рассмеялась:

– Дурочка ты моя! Сколько будет у тебя этих Миш! Вагон и тележка. Но вообще про красавцев забудь – не нужны нам никакие красавцы.хлопот с ними не оберешься.

– Почему? – удивилась она.

Мама вздохнула и терпеливо объяснила:

– Тебе нужен красавец? Да, нужен. И другим тоже нужен. Вот и подумай, как будешь его со всеми делить? Да и потом, разве в мужчине главное – красота?

Лина пожала плечами.

– В мужчине главное – ум, – сказала мама. – Ответственность. Чувство долга и чувство юмора. Поняла?

Лина кивнула, хотя поняла не очень. Но – записала. Она уже тогда умела писать – крупными кривоватыми печатными буквами.

А бумажечку эту нашла за день до своей скорой свадьбы – разбирала вещи, готовясь переехать на мужнину жилплощадь, и обнаружила сей манускрипт. Сначала посмеялась, а потом задумалась: а подходит ли ее жених под все эти критерии?

Ум, ответственность. Чувство долга и чувство юмора. Думала долго. Ум и юмор – наверное, да. А все остальное – ну, жизнь покажет. И, наверное, довольно скоро.

Жизнь показала – юмор с годами обмелел, ум... А вот что это значит? Ум – понятие, знаете ли, растяжимое. В работе – да, муж умен, прозорлив и, видимо, талантлив. А вот в обычной жизни... Тут все решала она. Впрочем, судя по опыту и окружению, это была участь всех сильных женщин. Хотя доходило до смешного – однажды вызвали сантехника и плотника. И те, два испитых красномордых и канючащих мужичка, по всем вопросам обращались именно к ней – безупречным чутьем разглядев именно в ней хозяйку. И хозяйку положения – в том числе.

Хотя они стояли на тесной кухоньке рядом – плечом к плечу, она и муж.

Ей стало смешно. А потом... Потом стало не до смеха. Все решала она – в какую школу отдать сына. Какой выбрать холодильник. Какой костюм купить мужу для защиты докторской.

Продукты, магазины, гости, родители – все было на ней. Он только подчинялся. Иногда вдруг делался обиженным, мол, ты со мной не посоветовалась! И замолкал на несколько дней.

Она терялась и начинала оправдываться. И даже принималась извиняться. А потом задумалась: я так привыкла! Я привыкла принимать все решения сама! И отвечать за все. И вот отсюда и этот менторский тон, и безапелляционность, и уверенность в правильности решения. И мнение, мнение есть только одно – естественно, ее!

На его обиды она горячо возражала:

– Да тебе же так удобно. Ты сам добровольно отдал все бразды правления мне. И чего же ты хочешь? Ах, советоваться с тобой по любому вопросу? Ах, прислушиваться к твоему мнению? Ах, принимать решения коллегиально?! Ну что ж, посмотрим!

Тем более повод намечался – на родительском участке решили построить дом. Дом – не дачу, именно дом, чтобы приезжать туда на выходные, каникулы, праздники. Чтобы с удобствами, горячей водой, туалетом и всеми прочими благами.

– Рули, – благородно сказала она и отошла в тень.

Ну, он и «нарулил» – довольно скоро, уже на уровне фундамента. Терпения у Лины хватило ненадолго – просто денег и сил было жалко невыносимо, какие уж тут принципы!

Решила все одним днем: разогнала старую бригаду, наняла новую, та исправила все прежние косяки. И через три месяца дом стоял под крышей.

Муж ушел в глубокое подполье и в большой обиде объявил, что «ездить туда не намерен».

«Ну и черт с тобой», – решила она. И дом, разумеется, достроила.

И вот еще – насчет чувства ответственности и долга...

Никогда. Никогда он ни за что не отвечал. К его больным родителям в основном ездила она: «Ну, у тебя больше свободного времени. С твоим-то графиком, дорогая!»

Сыном занималась она, и только она. Не говоря про ее родителей – ну, это и так понятно. Даже с друзьями и врагами мужа налаживала отношения она. Врагов переводила в стан друзей, дружбу укрепляла верностью и вечной готовностью прийти на помощь – в любую минуту.

А в целом... В целом он был совсем неплох. Хорош собою, фактурен, интеллигентен, подтянут, всегда при хорошем костюме и отличной стрижке.

Словом, есть чем гордиться. К тому же – доктор наук, профессор. Довольно молодой профессор.

В быту он был неприхотлив, денег на семью не жалел. Они много путешествовали, обо-жали далекие, совсем не туристические маршруты. Сыном гордился, в компаниях острил.

Жизнь сложилась, получается? Да вроде так...

Но господи! Как же она устала! Как устала быть сильной, умной, негибальной. Устала принимать решения, брать на себя...

Как она хотела быть слабой, капризной, кокетливой, нерешительной, обидчивой. Как ей хотелось понуть, поканючить, потребовать жалости. Побывать «маленькой девочкой». Чтобы пожалели, да! Пожалели, и все.

Но – поздно! Имидж менять поздно, вот что! Личина приклеилась – не отодрать. Клеймо. На всю жизнь. Клеймо умной, сильной, могучей.

«Так и проживу, – думала она, – до конца жизни буду тащить эту декорацию на своем горбу».

И некогда было задуматься о любви – совсем некогда. Столько хлопот!

А когда задумалась... Стало так страшно, хоть в петлю! «И это – моя жизнь? Зачем, для чего, для кого? Для всех. А я? Что происходит со мной? И вообще – где оно, счастье? Где любовь? Где? Так и доживу – в суете и заботах? И больше ничего не будет? Ничего?»

И вот тогда она встретила *его*.

Мысли материальны. Правильно говорят. Только вот стало еще страшнее...

Потому что она словно раздвоилась. Одна Лина – на кухне, на телефоне, решающая семейные проблемы, в школе и в секциях сына, она, она, она... Твердая, крепкая, разумная. Но была и другая – кокетливая, капризная, сомневающаяся. Слегка утомленная и недовольная. Нежная. Трепетная. Сама страсть и отчаянье. Нерешительная. Ох, кто бы ее увидел – из знакомых или родни! Вот удивился бы! Просто не признали бы – ни за что. Она и сама себе удивлялась. Вот надо же, не женщина – хамелеон. Актриса бы получилась великая!

Да нет, не хамелеон и не актриса, она была везде – настоящая! И там, и там. Просто – другая. Разная. Диаметральна противоположная, но везде настоящая. Просто в разных обстоятельствах – и все.

А вот какой она нравилась себе больше... Вопрос!

Определенно – в старой шкуре ей было куда привычнее, куда комфортней.

А в новой... Теплее. Слаще. Волшебней. Приятней – наверняка.

И еще – ей, так привыкшей решать все быстро, предельно быстро, ставить точки над «i» твердо, без долгих раздумий, брать все на себя, почти не сомневаться, такой уверенной и четкой, здесь, в этой ситуации, в этом двусмысленном положении было так страшно...

Страшно даже подумать о том, что когда-нибудь (и наверняка в обозримом будущем, сколько же может все это тянуться и длиться, не бесконечно же!) ей предстоит принять решение. Сделать выбор. Поставить точку.

И – сломать, разрубить, порушить чьи-то жизни. Да не чьи-то, а вполне реальных людей! Жизни дорогих и близких, как ни крути. Родителей, мужа, сына.

И еще парочку жизней. Его жены и его дочери. Его родителей. Его самого, ее любимого. И самого дорогого человека.

Хороша же цена вопроса, а? А ведь есть за что ломать копыя. Есть.

Только не копыя – человеческие жизни. А это куда серьезнее. Хотела любви? Вот и получи! Возьми всю – охапкой, копной.

Удержишь ли? Рук-то хватит? Подумай. Подумай, девочка! На весы. И прикинь. Ты же умная, все так в тебя верят!

Только вот сама что-то растерялась. Потерялась сама. Как в глухом лесу – ау? Ау...

А пока... Усни на его плече... Поспи. Вдыхая его запах и чувствуя кожей его тепло.

Поспи. Побудь слабой и беззащитной. Любимой тоже побудь.

Хотя бы сорок минут. У вас же осталось – сорок минут, да? Спи.

Там – она ломала трагедь, а *здесь* – ломает комедь. Хороша штучка, а? Актриса погорелого театра. А они... Они не парятся – ни тот, ни этот. Гады, вообще-то... А еще говорит: «Я тебя защищу! От всех и всего! Я же Лев – царь зверей».

Парится, еще как парится. Вот только она не знает – он же мужчина! Сталь и гранит. Ну не ныть же, в самом деле. Ох, как я устал. Как все это сложно – просто раздвоение личности. Так недалеко и до шизофрении. Там – я отец и примерный (?) муж. Ну или просто приличный. (Интересно, а что думает по этому поводу моя жена? Нет, правда, жутко интересно.) А скорее всего, она просто не думает на эту тему. Зачем? В деньгах не нуждается, живут они сносно – хотя бы без мерзких и оскорбительных скандалов. Она вся в своей жизни – дом, магазины, дочь, школа, кружки, тряпки, ремонт, путевки на море.

Она – в своей жизни. Потому что *их* совместной жизни давно уже нет.

Он любил разглядывать семейные пары – ну, например, на пляже или в отеле. Или в экскурсионном автобусе. Их ровесники, около сорока. Люди одного социального круга, довольно успешные – поездки, одежда, аксессуары. Ухоженные и воспитанные дети.

Он смотрел на мужиков и пытался поймать в их глазах такую же тоску. Ловил. Почти у всех. Было видно, ну, или очевидно, что вся эта семейная кутерьма, все эти обязательные моменты им так же, как и ему, скучны и пресны.

Он завел разговор с Димоном. Тот, как всегда, постебался:

– А ты чего хотел? Неземной страсти на двенадцатом году жизни? Умирать от вида ее тела, касаясь пожухлой от родов груди? Нет, мой миленький. Так не бывает. Вот поэтому я и меняю своих бабс раз в пять лет. А то... – Димон брезгливо скривился, – до тошноты прям. Веришь?

Он верил. Но схема Димона была явно не для него.

– У меня сил не хватит, – усмехнулся он, – давление, знаешь ли, низкое. Гипотония.

– А у меня – гипертония, – обиженно пожаловался Димон, – это еще опаснее. Так что живи и не парься – все у тебя не так плохо. Галка – приличная тетка. Не достает, не ломается. Все вопросы решает сама. В доме чисто, обед на плите. Василиска в порядке. И какого тебе еще рожна, спрашивается?

– Да нет, не в этом дело! – махнул он рукой. – Понимаешь, – тут он задумался, – ну, «страстно желать» – это я понимаю. Но хотя бы... соскучиться, что ли. Ну нет меня неделю – командировка, скажем. И захотеть вернуться домой. Обнять ее просто, прижать к себе. Сесть поужинать и поболтать – не только о дочкиных отметках и о ценах на мясо, а просто за жизнь, понимаешь?

– Ну-уу! – протянул лучший друг. – Этого требовать от них просто нельзя. Нереально просто. Счас, размечтался, будет она с тобой говорить о жизни. Точнее, о глобальных человеческих проблемах. О том, что мучает тебя. У нее, блин, свои глобальные проблемы: Васькины отметки, то же мясо, акции в продуктовом и шмоточном. И ей кажется – вот уверяю тебя, – что важнее ее проблем нет ничего! А все твои измышления... Ну, это вообще бред собачий и полная хрень. Все оттого, что тебе нефига делать.

– Мне? – он задохнулся от возмущения. – Это мне-то нечего делать? Я, между прочим, работаю! И обеспечиваю – весьма неплохо, заметь, – семью. И тряпки они метут вагонами, и на курорты ездят. И не на оптовых рынках ошиваются, а в достаточно приличных магазинах. И домработница к ней приходит раз в неделю. И Ваську она возит по танцам и языкам на машине. А не в общественном транспорте потеет!

– Ну, ты у нас прям герой! Просто нет таких Бэтмэнов на всем белом свете. Только один ты – великий и ужасный. И еще – замечательный. А вот скажи, – тут Димон хитро прищурился, – а если бы без всего этого, ну, без того, что ты тут перечислял, она бы, ну, женщина такого уровня, таких внешних данных, такая жена, хозяйка и мать, жила бы с тобой? Положа руку на сердце?

Лев молчал.

– Вот, вот в чем вопрос, – оживился Димон. – И тут же ответ – какой, ты понимаешь. Так что ты не герой, уж прости. А обычный среднестатистический мужичок. И тебе, кстати, повезло ничуть не меньше, чем ей. Ее заслуги я уже перечислил.

Долго молчали. А потом он спросил:

– А как же любовь, Димон? И все тот же банальный секс?

Димон тяжело вздохнул.

– Любовь, Левка, понятие... растяжимое. Не хватает – поищи на стороне. И с любовницей, кстати, ну, если она не дура, можно с удовольствием потерять «за жизнь». И она будет делать вид, что все это ей *жутко* интересно. Ну, все твои жалкие бредни по поводу несовершенства, недовольства, все твои неразрешимые вопросы, короче, весь твой кризис среднего, блин, возраста ее будет «глубоко» волновать. Вроде бы. И еще – так, на всякий случай, – посмотрю я на тебя лет этак через пять, ну, если ты с этой теткой продержишься. Будешь ли ты так же страстно срывать с нее одежды и заваливать в ванной.

– Я про любовь, Дим, – напомнил он.

– Так и я про нее же! – удивился Димон. – Сначала волнение, потом наслаждение, потом... – ну, в песне, помнишь?

– Циник, – ответил он.

– А ты – дурень, – спокойно отпарировал друг, – и неизвестно, что хуже. Точнее – известно.

* * *

Она спала на его плече. И пахли медовым шампунем ее волосы, и почему-то мандарином – кожа. И дыхание ее было таким спокойным и теплым, что он думал только одно: ничего... ничего ему больше не надо, кроме этой тихо спящей женщины рядом. Точка. А все остальное – все слова, все размышления, все «за» и «против» – было такой ничтожной глупостью, что просто смешно. Смешно, потому что *счастье*. Вот все это – просто счастье.

И чего тут размышлять? Хотя бы эти сорок минут.

Он осторожно погладил ее плечо. Она чуть дернулась, поджала губы, втянула носом воздух и... открыла один глаз. Его всегда это сместило.

– А второй? – спросил он.

– Второй еще поспит. Минуты три, – тихо и чуть хрипло ответила она, – можно?

Он кивнул – пусть поспит! Можно.

Она облегченно вздохнула и закрыла второй.

Он выпростал руку из-под ее шеи и пошел на кухню. Странно, что эта полупустая, ободранная чужая квартира, с нищим и хромым комодом шестидесятых годов, с обвисшими и выгоревшими шторами, с трехрожковой пластиковой люстрой и грохочущим холодильником «Ангара», казалась ему милее и теплее его собственных трехкомнатных хором в новом доме – кухня пятнадцать метров, два санузла, спальня на заказ из Италии (ждали почти год) с дизайнерской плиткой и тангенционным паркетом – разумеется, дуб, – с плазмой во всю стену и черно-белым ковром из перуанской коровы; его небедный, со вкусом и тщательно обставленный дом был ему ЧУЖИМ. Просто чужим – как бывает чужим временное пристанище.

В которое, кстати, ему совсем не хочется возвращаться. Или он немного, совсем слегка, лукавит?

Он допил остатки остывшего чая, выкурил сигарету и посмотрел на часы.

– Пора, – вздохнул он, – вот теперь уже точно пора. Открывайся, глаз левый и глаз правый! Просыпайся, детка! Нас ждут великие дела.

Такая вот ужасающе глупая ирония. Такой вот сарказм.

Такая вот жизнь, милая.

Обычно Лев подвозил ее до соседней улицы. Ехали молча – только Лина рука лежала на его колене, и он иногда прикрывал ее своей ладонью.

Машина остановилась. Они крепко обнялись и замерли. Прошло минут десять. Или пять? Или полчаса?

Нет, все-таки десять или около того. Точно подал сигнал биологический будильник – они отпрянули друг от друга и посмотрели друг другу в глаза.

– Завтра, в одиннадцать? – спросила она.

– Как всегда.

В одиннадцать был их первый созвон. Потом в три, в шесть – когда он выходил из офиса и садился в машину. И самый последний – тайный, тихий, звонок на вибрации – из ванной в двенадцать.

Просто чтобы сказать «спокойной ночи». Или на крайний случай эсэмэс: «Лю. Це, ску».

Она мотнула головой, стряхивая оцепенение, улыбнулась краешком губ и чмокнула его в нос.

– Все. Пока. До завтра.

Вышла из машины и наклонилась в открытое окно – чтобы еще раз сказать «люблю» одними губами.

Лев, кашлянув от волнения, хрипло спросил:

– Как мы будем жить дальше, любимая?

Лина пожала плечом.

– Так же. Хорошо и весело. Счастливо, короче. Пока, Лев, царь зверей! – И бросилась наутек, чтобы он не услышал рыданий, которые уже готовы были вырваться из ее горла. Нет, не из горла и не из груди – из самого-самого сердца.

Лев посмотрел ей вслед и рванул с места.

Хорошо и весело – это про них. Именно так – особенно весело. Ведь так весело ждать четверга или пятницы, шести часов вечера – в четверг отпроситься на час, в пятницу короткий день, – ждать этих трех часов всю долгую, бесконечно долгую неделю, чтобы в четверг или в пятницу подъехать к этому облупленному дому, зайти в этот пропахший кошатиной подъезд, подняться на шестой этаж в квартиру Пелагеи Сергеевны, вредной и жадной квартирной хозяйки, портящей жизнь собственной дочери, бьющейся на двух работах, съехав к ней и сдавая свою «кватерку» за двадцать пять тысяч – на книжку, только на книжку ты мне, милоч, переводы. А то эти... Все отберут, сволочи.

И там, открыв наконец коричневую дверь с драным дерматином, с таким облегчением войти в коридор, не замечая удушливых запахов старой мебели и пыльных гардин, сесть на кухонную табуретку и устаться в окно – когда же там, моя милая, ты начнешь выпендриваться у продуктовой палатки, откусывая от шоколадки, попивая водичку без газа, поглядывая на часы.

Когда? Когда наступит этот волшебный момент, этот таинственный час, эти драгоценные, нет, даже бесценные минуты, когда ты наконец шагнешь в подъезд, поднимешься в узком и вонючем лифте, подойдешь к этой отвратительной бабкиной двери и нажмешь кнопку дурно воняющего, словно хозяйкин голос, звонка.

И в ту же минуту он откроет, распахнет дверь – в мир *другой*. Противоположный тому, что остался за этой дверью.

Распахнет и раскроет свои объятия, в которые ты упадешь. Рухнешь. Бросишься. Потонешь.

Когда же наступит это самое счастье, ради которого он живет все остальные дни недели? Когда???

* * *

Лев открыл дверь своим ключом. Из гостиной слышался звонкий смех дочери и приглушенный, кудахчущий жены. Орал телевизор.

Включил свет в прихожей, и смех прекратился. Точнее – резко оборвался. Вышла жена. Посмотрела на часы, но ничего не сказала. Слегка усмехнулась, и только. Он сделал вид, что не заметил. Не до разборов полетов. Совсем не до них. Впрочем, супружница отношений выяснять не любила – тоже плюс, между прочим.

– Ужинать будешь? – вздохнув, спросила Галина.

– А что? – поинтересовался он, почувствовав внезапный голод.

– Еда, – с вызовом ответила жена.

Такие вопросы ее раздражали. Еще она любила прибавить, что меню обычно вывешивают в ресторанах.

– А поконкретнее? – вредничал он.

Галина взяла себя в руки и с расстановкой, почти по слогам, произнесла:

– Рыба. Жареная. Палтус. Пюре. Картофельное. На молоке. Салат из сезонных овощей. –

И с вызовом посмотрела на него. – Подходит?

– Вполне, – удовлетворенно кивнул он и пошел в ванную мыть руки.

Когда он вошел на кухню, подогретый ужин стоял на столе. Жена села напротив и стала смотреть, как он ест.

– Вкусно? – спросила она.

– Вкусно, – кивнул он.

Было и вправду очень вкусно. Жена готовила неплохо, но... Любила всяческие кулинарные новости и, как ей казалось, изыски, почерпнутые на кулинарных сайтах, в программах и журналах.

Например, замысловатые лазаньи, мусаки, киши и прочее, к чему он совсем не привык. На его просьбы приготовить обычную человеческую еду – борщ, котлеты или тушеное мясо – жена обижалась и объявляла, что он плебей.

А ему не нравилась горькая руккола, жирная лазанья с непонятными специями и цыпленок по-валлийски – гораздо вкуснее родной табака. Честное слово!

Иногда она шла на уступки – как, например, сегодня. Ей, кстати, сказочно повезло – она умудрялась не поправляться ни на грамм без всяких там усилий в виде диет или спортивных тренажеров. Могла съесть подряд четыре пирожных, или полбагета с маслом, или полкило шоколадных конфет за вечер.

Знакомым Галина со смехом говорила:

– Ну хоть в этом все неплохо.

Он всегда удивлялся – это «хоть» его слегка задевало. «Хоть» в этом. А во всем остальном? Во всем остальном категорически нет?

В кухню заглянула дочь и протянула:

– Ну мам?

Жена махнула рукой.

– Выйди.

Дочь испарилась.

– Лев! – начала Галина. – Тут вот такое дело. – Она помолчала, не решаясь начать. – Словом, Васькин класс едет в Париж. На неделю. Ну, на зимние каникулы.

Он молчал и продолжал размеренно есть.

– Так вот, – вздохнула жена, – ей, понятное дело, тоже хочется. Ну, поехать. Гущина едет, Бутейко – все ее девочки. Марина, мама Веры Гущиной. Алена, мама Бутейко. – Жена опять замолчала.

– Ну? – кивнул он. – И что дальше?

Жена покраснела и разозлилась.

– Ну чего ты прикидываешься? Непонятно, что ли? Васька тоже хочет поехать. А что тут странного? Музеи, выставки. Языковая практика.

Он отложил вилку и посмотрел на жену.

– Практика, говоришь? Самой не смешно? За неделю – и практика, да, Галь? Музеи опять же. Знаю я твою Марину Гущину и эту Алену. Распродажи у них, а не выставки. Новогодние распродажи. И деньги им девать некуда – и одной, и второй. И, как я понял, ты бы тоже не возражала. Я прав? – он посмотрел на жену.

Она молчала, опустив голову.

– Так вот. Потакать вашим прихотям я не собираюсь. А это – именно прихоть. Ты уж мне поверь! В Париже мы были два года назад. И хочу тебе напомнить, что, по-моему, у нас были другие планы – новый забор на даче и мысли о новой машине для тебя. Или нет? Или я что-то путаю?

Галина, не поднимая головы, кивнула.

– Ну, – Лев встал со стула, – тут, я думаю, разговор можно и закончить. – И вышел из кухни.

В кухню проскочила дочь, и он услышал их с матерью жаркий шепот.

«Ну пусть языками почешут, – равнодушно подумал он, лег на кровать и положил телефон под подушку. Закрыв глаза. – А может, я зря? Зря вот так резко? Да пусть едут, в конце концов». Ведь, по сути, он виноват перед ними. И значит, вину надо заглаживать. Хотя в чем виноват? В том, что любит другую женщину? В том, что у них давно нет семьи? И в этом виноват только он, он один?

Да черт его знает, кто и как виноват. В какой мере. И ничего плохого для них он пока не сделал. Может, просто не успел? И каяться пока не в чем – как жили, так и живут. И никто их не притесняет. И в Греции на море были – в августе, пятнадцать дней. И на октябрьские в Праге неделю. Может, пора аппетиты и поунять? Он ведь, в конце концов, не олигарх и не владелец бизнеса. У него, да, прекрасная должность и очень неплохая зарплата. И все же...

«Наглость это, – вдруг разозлился он. – Хотя... Дурак! Целая неделя абсолютной свободы! Никого не видеть и не слышать. Попытаться разобраться в себе. Да просто отдохнуть по-холостяцки. Сходить с Димоном в Сандуны, выпить наконец – от вольного. В кабаке, под громкую музыку и танцы с незнакомыми и ненужными девочками. А потом завалиться домой, полчаса возясь с дверным замком, и – рухнуть в одежде и ботинках. В сладком беспомыслии рухнуть. И чтоб ни одного вопроса и ни одного попрека. Ни в ночь, ни наутро».

Он усмехнулся: боже, о чем он мечтает! Да, правильно, за все надо платить. Да черт с ними, пусть катятся в эти Парижи, Лондоны – куда угодно.

Он вздохнул и посмотрел на телефон – маньячные штуки в голове развиваются. Фобии, навязчивые состояния. Невроз, одним словом. Мама работала невропатологом, и он неплохо знал про нервные болезни.

Через пятнадцать минут сеанс связи. Телефон слабо очнется и затанцует свой короткий вибрирующий танец.

И тут в голову пришла довольно отвратная мысль: *как* он думает о них. «Черт с ними», «Пусть катятся!» Черт, собственно, с кем? С его женой? С которой прожил весьма неплохих четырнадцать лет? Да ладно бы с женой. Черт с ней, с Василисой? С его единственной и любимой дочерью? С ней тоже черт? И тоже – пусть катится?

«Сволочь, – подумал он, – какая же я отъявленная сволочь!»

Телефон дернулся и зашипел под подушкой. Он схватил его и открыл. Все как обычно, ничего нового: «Спок! Лю! Ску! До завтра. Твоя».

Как это – как обычно? Как это – ничего особенного? Это для вас, дорогие мои! А для меня!!! В каждом слове, точнее, полуслове, обрывке, куцем начале – ВСЕ. Все, что мне жизненно, просто жизненно необходимо.

Потому что – Лю. Ску. И самое главное – *твоя*.

Он ответил. Что может ответить влюбленный идиот сорока лет? Вот именно. Правильно. Можно не повторять – и так понятно.

Жена вошла в комнату, не включая света. Сняла халат и надела ночнушку. У зеркала застыла, с минуту разглядывая себя, тихо вздохнула и намазала лицо кремом. Уличный фонарь хорошо освещал ее сухую, поджарую, спортивную фигуру. Мышцы, мышцы... Откуда, спрашивается? Природа шалит. Спортсменка, блин, – четыре эклера и полкоробочки фундука в шоколаде. Везет же...

Он вздохнул и подумал о своем уже явно намечающемся животике.

Жена откинула одеяло и осторожно прилегла с краю.

«Деликатная моя», – с раздражением подумал он.

Пахнуло цветочным кремом. Он поморщился.

Господи, да разве это правильно? Чтобы – так? Чтобы тошнило от запаха французского крема? Чтобы хотелось откатиться на край или вообще скатиться на пол, укутаться с головой и – упасть в забытье?

Или рвануть со своим одеялом в гостиную, на неудобный, но очень брендовый, блин, кожаный диван!

И все это называется «вполне комфортная и счастливая, спокойная семейная жизнь»...

По мнению крайне умного и продвинутого лучшего друга Димона.

– Езжайте, – выдал он сквозь зубы, – ну, раз так приспичило!

Галина, казалось, не очень и удивилась. Благородно и с достоинством проговорила:

– Спасибо.

Ерничать не стала – не к месту.

Он отвернулся, закутался с головой – как в детстве – в одеяло и попытался уснуть.

По спине прошлась ладонь Галины. Он дернулся.

– Не стоит благодарности, милая.

Она резко отодвинулась и обиженно сказала:

– Зря ты так. Зря. – И, всхлипнув, добавила: – И что я тебе плохого сделала, Левка?

Он не ответил. Потому что ответа у него не было. Точнее, был: «Ничего».

Ничего, правда. Только из всего этого «ничего» они и имели – *ничего*.

Такие дела.

Утром на кухне царило оживление – дочь, естественно, была уже в курсе. Она подбежала к нему и повисла на шее. Он чмокнул ее в нос и похлопал по узкой спине.

– Да ладно, Лисенок! Поедешь. Я ж не зверь тебе лесной, я ж тебе папка! – пошутил он, и даже жена хмуро усмехнулась.

Сели завтракать. Дочь продолжала верещать и на радостях даже не канючила про «мерзопакостную» овсянку.

Жена прикрикнула, и дочь бросилась к себе одеваться.

– Лев! – обратилась к нему жена. – Посудомойка барахлит. После «стирки» горчит посуда.

Он поднял от газеты глаза.

– Галь! А я что, мастер по бытовой технике? Позвони в сервис, обозначь проблему. Смешно, ей-богу.

Галина кивнула и присела на краешек стула.

– Да... Вот еще... Что-то в «пежонке» стучит. Не пойму, где-то сзади. Металлический какой-то звук. Как думаешь, опасно?

Теперь он вздохнул в полную силу и отложил газету.

– Галя! Ну ты, ей-богу... Нет, странная, честное слово! Я что – автомеханик? Езжай на станцию, к Петручию. Он специалист по диагнозам. Говорил тебе, не бери «Пежо». Так нет же – хорошенькая, кругленькая, маленькая. Машины, милая, должны быть из Германии или из Японии. Так, для надежности. А остальное – ваши, мадам, капризы. Вот и разруливай как умеешь. А я, извините, пошел. На работу. Чтобы оплачивать ваши капризы и прихоти, кстати. «Пежонки» ваши и Парижики. Блин. – Он недовольно мотнул головой и вышел в прихожую.

Хлопнула входная дверь. Галина вздрогнула и крикнула дочери:

– Вася, ты скоро?

Из комнаты дочери неслась громкая музыка. Галина поморщилась: «Господи, эту отправлю, и хотя бы пару часов покоя». Покоя и одиночества. Счастья, короче. Своего, личного, никем не захваченного пространства. Чистого, не сжатого от напряжения и отрицательной энергии воздуха.

«Добрый мой! Благородный! Просто дон, не иначе! Разрешил. Позволил. Выделил. Правда, все перед этим подсчитал и неблагородно припомнил... Да и черт с ним. Выделил, и ладно. И на том спасибо. Лев, царь зверей. Щедрый, сильный и благородный. Знаем, какой ты царь, Лев... Котенок... Или – котище. Так вернее».

А про поездку... по крайней мере, целая неделя свободного дыхания, отсутствия сердечных болей, спазмов в горле, неожиданностей, зависимости от его настроения. От его запоздалых приходов. От взгляда в никуда. Короче – покоя. А покой – это уже счастье! В ее случае – определено.

Когда не осталось ничего больше. Ничего... А главное – любви.

Два года. Почти два года он с ней не спит. Потому что то, что происходит примерно раз в три месяца, назвать этим словом нельзя. Невозможно. Почему? Задавала ли она себе этот вопрос? Задавала, а как же! И себе, и своим близким подружкам – Янке и Инке. Те тоже в долгом браке, как в плаванье. Они над ней посмеялись: «А ты как хотела?»

«Как? Вот определено не так, как раньше». – И тут ее подняли на смех. «Ну, ты, матушка, наивная чукотская девочка просто! Откуда? И у кого? Да ни у кого, ты уж нам поверь, не бывает?» – «Что, совсем и никогда?» – «Бывает. В сказках. Или в богатых фантазиях неисправимых врушек. «Как раньше»! Скажешь тоже. И мы не те, а уж они-то! Мозги направлены на одно – как вытянуть семью. И это у нормальных мужиков. Кстати. А у тех, у кого «как раньше», в доме пыль и мыши. И несчастные жены. Ты хотела бы так? Нет? Ну и молчи! Хватит силенок – заведи любовника. Не хватит – радуйся и молчи в тряпочку».

А любовь?

А вот это и есть любовь! Чтобы понимать близкого человека и не мешать ему.

Тогда последний вопрос: а кто поймет меня? Или это не в счет? В смысле – я? И ведь самое обидное, что его уже ничего не волнует – ну, по большому счету, конечно, не дай бог что! С дочкой, например – тьфу-тьфу!!! А так – сосед, приживал... Чужой человек. А про то, личное... Ничего нет обиднее, чем отвергнутая женщина. В смысле – ее тело и ее желание.

Желание? А вот здесь – минуточку. Остановка! Не ври хотя бы себе. А ты? Ты? По-прежнему страстно его «желаешь»?

Вот именно! Молчи. Вот и получается: семейная жизнь – одни обязанности. Кодексы, компромиссы. Пока терпишь и мирисься – у тебя семья. А если бунт и протест – извините!

И кому от всего этого выгода? Уж точно не ей. Точнее, не им с Васькой.

Закрой рот и молчи.

* * *

Какое счастье, что никого нет дома! Просто подарок сказочный! Сын у приятеля, муж у маман. Или? Да бог с ним, какая разница. Хотя можно, конечно, набрать свежавин домашний и попросить сынулю – мобильный, мол, вне зоны доступа.

Только вот зачем? Ловить его на лжи она не собирается. Факты и аргументы ей не нужны. И интереса тоже никакого – вот абсолютно! У мамы, у папы... Или у чужой тети.

Она прошла в комнату и, не включая света, уселась с ногами в кресло. Комнату слабо, чуть голубоватым светом, освещала наружная реклама дома напротив. И это было очень красиво, кстати. В голубом нежном свете плыла ее мебель, и ковер, и прозрачные шторы, и книги в шкафу. И бабушкины фарфоровые пастушки, и фрейлины из далекой Саксонии тоже нежно заголубели, словно окутанные ночным туманом.

Дом. Родной дом. Гнездо. Она так ждала этот дом, так хотела его полюбить. Все подбирала с такой любовью, так тщательно. Ей хотелось гнезда. Где будут ворковать, курлыкать, нежно касаться друг друга, оберегать все его обитатели – ее маленькая семья.

А вышло... Дом был построен. И очень красив. А вот ворковать и оберегать друг друга – не получается.

Нет, не совсем так! Он – приличный муж и хороший отец. У них нет скандалов, криков, взаимных оскорблений, явных претензий. Они культурные и воспитанные люди.

И еще у них нет любви. Может, поэтому все так тихо и благостно? Многолетняя привычка, знаете ли...

Тоже из категории семейных ценностей. Нудно, скучно, однообразно. Невесело как-то. А ты хотела карнавального буйства? На тринадцатом году брака? Фейерверка? Ламбады? Фламенко?

Ну, тогда ты – полная дура! И что с такой разговаривать? Стабильность. Уверенность. Нормы приличия. Коды. Компания, друзья, выезды за город. Театры, музеи. Прекрасные познавательные поездки в Европу. Горы и моря. Шуба из блэкламы. Деньги на карточке – не контролируются. Сын в частной школе. У нее есть все – ну или почти все, – что может легко и быстро украсить жизнь женщины.

У нее даже есть любовь.

Правда, к чужому мужу. Но... Разве это отменяет ее значимость?

Нет. Только слегка меняет окрас. Ее счастья и всей ее жизни. Только и всего. И выходит – она зажавшаяся, наглая, отвратительная лгунья и обманщица. Средняя жена и средняя мать. И за все это у нее есть то, о чем и не мечтают миллионы прекрасных женщин. И еще – завидуют ей. Например, ее беспечности. Свободному времени. Возможности закрыть за собой дверь и уехать в Борисово. В раздолбанную квартиру бабки Пелагеи.

Чтобы там... На старом диване, на постельном белье в пошлый розовый горошек обнять его, прижаться к нему, вдохнуть его запах и...

Эти три часа – огромных, непомерных, колоссальных, мгновенных, незаметных...

Быть самой счастливой женщиной на свете.

Открылась входная дверь, и Лина услышала, как пришел муж Виктор.

– Ты дома? – крикнул он.

Она ответила, не вставая.

– А почему в темноте? – удивился он, зашел в комнату и включил свет.

– Голодный? – спросила Лина, вспомнив, что в холодильнике есть только две вчерашние котлеты. Хороша жена!

Он мотнул головой:

– У мамы поел.

Ну разумеется! Какая мама не накормит?

Он сел в кресло напротив и посмотрел на нее. Их взгляды столкнулись.

Он. Он хорош, кстати. Очень хорош! Подтянут, высок, никаких складок и лишних отложений. Два раза в неделю бассейн и тренажерный зал. Интересно, для кого старается? Неужто для себя? Да наверняка! Он любит погордиться собой и полюбоваться. Балдеет от себя просто.

А ведь хорош, правда! Чуть седоватые, достаточно густые волосы. Синие глаза, белые зубы. К тому же – профессор. Доктор наук. Вот уж, наверное, на кафедре хороводы вокруг него! Мечта, а не мужчина.

Только не ее – чужая. А она-то все про него знает. Рассказать всем этим соплюшкам – ни за что не поверят. Скажут – стерва баба. Такое про такого мужчину! И чего ей не хватает? Вот чего? В шоколаде с головы до ног – пусть и не блондинка.

Только она знает, чего ей не хватает... Только она. И так все просто, господи! До противного просто. Тепла не хватает. Поддержки. Нежности, ласки. Понимания – вот чего. Много? Наверное...

И вправду – стерва.

Виктор лег на свое «законное» место и блаженно вздохнул – это означало, что он очень устал.

Лина молчала. А требовалось, наверное, если не пожалеть, то хотя бы посочувствовать. А вот неохота.

– Гасим свет? – игриво спросил он.

Она не ответила и выключила ночник. Отвернулась. Он провел рукой по ее плечу. Она еле сдержалась, чтобы не дернуться. Только сжалась, как пружина.

– Линок! – жалобно произнес он. – Ну что ты, право слово! Как замерзшая!

Она повернулась к нему. Родной? Близкий? Знакомый до боли – во всем? Понятный и предсказуемый... Она доподлинно знает все, что сейчас будет. Все. А, кстати, что здесь плохого? В этом тоже есть своя, так сказать, прелесть. Прелесть давнего, устойчивого брака. Мужчины, приятный во всех отношениях. Мечта, можно сказать, теток от двадцати до семидесяти. А она пренебрегает.

Он придвинулся к ней, и она почувствовала его грудь и гладкий живот. Он привстал на локоть и наклонился над ней.

– Милая! – сказал он.

Она прыснула. Он отпрянул и лег на спину. Обиделся. А действительно, что тут, собственно, смешного?

Она ненавидела слово «милая». Она не терпела вопроса после «всего»: тебе было хорошо?

Вот ничего более идиотского спросить было невозможно.

Да и какая она «милая»? Не смешите, ей-богу!

Он повернулся спиной и обиженно засопел. «Ну и черт с тобой», – подумала она.

Главное – избежать этой каторги. Хотя бы сегодня.

Господи! Что я делаю со своей жизнью?

* * *

Утром, под мягкий и щадящий звонок японского будильника она встала и пошла будить сына. Эта история была еще та! Антон совершенно не поддавался на уговоры, посулы и угрозы. Поднять его было почти нереально. Ну не пускать же в дело чайник с холодной водой!

Она щекотала ему пятки, сдергивала одеяло, включала музыку. Он дергал ногами и мычал.

– Идите вы все!!!

– Куда? – спрашивала она.

А он уже снова дрых. Она распахнула окно – в комнату влетел прохладный ветер.

Отбросила одеяло подальше – чтобы никак не достать. И пошла на кухню готовить завтрак.

Муж вышел из ванной – свежевыбритый и пахнущий отличным парфюмом.

Молча сел на стул и взял газету. Не забыл! Обиделся. Он вообще любил обижаться. Да и бог с ним. Она налила ему кофе, положила на тарелку творог и рядом поставила плошку с медом.

Профессор следил за здоровьем и, как следствие, за питанием.

Наконец выполз замерзший сын. Все молчали. «Утро – тяжелое время», – подумала Лина. Пока все раскачаются, пока придут в себя. Слава богу, ей сегодня на работу к обеду. Впрочем, куда торопиться! Она может и вообще не пойти. Позвонит девчонкам и скажет, что придет завтра. С готовой работой. В принципе, она все может делать и дома – компьютер под боком, разумеется. Но сходить туда, в это чудесное место, пару раз в неделю можно. И даже – с удовольствием. Потреться с девчонками, посплетничать, попить кофейку.

Отвлечься, короче говоря. А это как раз то, что ей сейчас нужно было больше всего.

– Вить! – она обернулась от плиты. – Забыла сказать! Вчера звонил Петрович. Сказал, что опять что-то с камином и дымоходом. Ну нужно что-то решать.

– Лина! – откликнулся Виктор. – Ведь я не печник, если ты позабыла. И в дымоходах ни черта не понимаю – прости. И времени, знаешь ли... вот совсем нету. Сегодня кафедра, завтра у Преловского защита. Так что возьми такси и – к Петровичу. Разбирайтесь!

– Я, знаешь ли, тоже не печник! – возмутилась она. – И тоже не специалист по дымоходам. И к тому же, если ты забыл, женщина.

– Забыл, – словно обрадовался он, – а ты все забываешь напомнить. И к тому же ты, на мой взгляд, занята чуть меньше меня. Совсем чуть-чуть. Так что – вперед и с песнями. И удача не оставит тебя. Да. Кстати. Если ты не забыла. Дурацкая идея строительства дома принадлежала тебе.

«Хам, – подумала она, – обычный хам. А весь этот антураж... Для девочек с кафедры. Никогда и ни в чем он не был поддержкой. Все свалил, спихнул и отряхнул руки. Глава семьи!» Да на что она может рассчитывать, господи? И еще – мелкий и злопамятный... Мелочный. Ничего. На обиженных воду возят.

А с этим домом... вот сколько раз уже она об этом пожалела! Сколько раз! Как ругала себя, как корила, что влезла во всю эту историю. Тогда, три года назад, когда еще не было в ее жизни Льва, а семейная лодка уже билась и колотилась «о быт», ей казалось, что дом, вымечтанный и выпестованный в ее сознании, деревянный, теплый, уютный, спасет ее брак и ее семью. Ошиблась. Но как все же неблагородно напоминать ей об этом... не по-мужски как-то...

Сын вяло ковырялся в остывшей яичнице. Муж посмотрел на него с легкой брезгливостью. Она усмехнулась: вот мужики! Обижен на жену, а заодно и на сына – на всякий случай. Точнее – на весь мир.

– Пап! – заканючил Антон. – Мне нужны деньги! Четыре тысячи.

Виктор вскинул на него острый взгляд и грозно сдвинул брови.

– Интересно! А на что, позволь уточнить? Или мне это знать не положено? Мне дозволено только открывать портмоне?

Сын растерянно посмотрел на нее, явно прося помощи.

Она отвернулась к плите.

– На новую ключку, пап! – тихо ответил он.

– А что, старая уже вышла из моды? – с сарказмом осведомился он.

Сын удрученно мотнул головой и замямлил:

– Нет, но... Гришкин отец привез ему две, из Штатов. Одна лишняя. Ну, и мы с мамой, – он глянул на мать, ища у нее поддержки, – и мы с мамой решили...

– Ну, раз «вы с мамой», – бодро ответил отец, вставая со стула и громко ставя на стол кофейную чашку, – тогда вы, что называется, с мамой!

И вышел из кухни.

– Я дам денег, Антон! – коротко бросила Лина.

Виктор снова возник в дверном проеме.

– Умница! – кивнул он. – Вот и давайте! Вместе! Вдвоем, без меня. – Он вышел в прихожую, Лина пошла за ним следом.

– Что ты завелся? – тихо спросила она. – Вот на ровном ведь месте!

Виктор, надевая пальто, повернулся к ней и медленно произнес:

– Я предполагал, что хотя бы уважения я заслуживаю. Не ласку, не любовь. Просто – уважение. Как-то принято считаться с главой семьи в приличных домах. Хотя бы номинально. А ты не так глупа, чтобы иногда делать вид, чтобы просто не унижать меня. Даже если ты в чем-то со мной не согласна.

– Вить! – жалобно проговорила она. – Ну, ты прав! Извини! Не подумала.

– Лина, – он тяжело вздохнул. – Ты иногда думай! Не так это сложно! Поверь! Тем более когда мозг практически в бессрочном отпуске. Тебе же будет лучше! И проще, честное слово!

– Нервы, – бросила она.

– А это не ко мне! Я, если ты помнишь, специалист в другой области. А за здоровыми нервами к невропатологу. – И, открыв входную дверь, обернулся: – Не устраивай из нашей жизни ад, милая! Никому лучше от этого не будет!

– А если будет? – выкрикнула она.

Ответа, разумеется, не было. Да и какой тут мог быть ответ?

Лина подошла к окну. Профессор Сомов вышел из подъезда. Красиво так вышел. Высок, строен, седовлас. Шикарно развеваются полы тонкого кашемирового пальто. Чмокнул замок сигнализации, и профессор элегантно уселся в салон новенькой, перламутровой, темно-вишневой «Вольво». Муж приоткрыл окно и мягко и интеллигентно, безо всяких понтов, тронулся с места. Лина задернула штору и опустила на стул. Телефон привычно звякнул эсэмэской.

* * *

По пути в институт профессор Сомов, посмотрев на часы, решил заскочить к своему автомеханику Петручио – смешному парню, которому он всегда доверял свою «ласточку». Дел было на полчаса – поменять свечи. Петручио вышел гордый, независимый и очень важный. Выслушал жалобу, с достоинством кивнул и велел обождать – минут через сорок он закончит «с одной гражданочкой».

Молодая стройная женщина в светлых брюках и лиловой кожаной куртке на меху, сняв солнцезащитные очки, сидела на скамейке, задрав скуластое лицо кверху. Ловила ненадежные и редкие лучи зимнего солнца.

Виктор понял, что это и есть та самая «гражданочка», и присел рядом. Она чуть подвинулась и приветливо улыбнулась.

– Проблемы? – сочувственно спросил он.

Она снова улыбнулась, надела очки и кивнула. Минут через десять вышел важный Петручио и объявил «гражданочке», что ее «пежошку» придется оставить дня на два, определенно. Женщина растерялась, разнервничалась и принялась дотошно расспрашивать механика.

Он, презрительно скривив губы, процедил:

– Галин Михалн! Ну вам все это надо?

Она снова засуетилась, объясняя, что машина в эти дни ей крайне необходима – просто до зарезу! «Потому что всякая куча сложных и неотложных дел, Петенька!»

Петенька, он же Петручио, вяло покуривая, процедил:

– Ну, постараюсь к завтраму. – И строго добавил: – К вечеру, не раньше! К девяти минимум!

Она была готова и на минимум, и на максимум – это было видно.

А потом спохватилась:

– Господи! А выбирать-то отсюда как?

Мастерская находилась в промзоне – вроде и не самые выселки, а автобусы не ходят, в такси, как говорится, не содют. Потому что нет этих самых такси. Ничего нет – только клиенты Петручио. А те на машинах. Или на машинах друзей или родственников, если машину придется оставить.

Петручио вяло пожал плечами – мол, мое-то дело какое!

– Не беспокойтесь! – любезно откликнулся импозантный мужчина на вишневой «Вольво». – Мои дела минут на двадцать, да, Петь? – он обратился к механику за поддержкой. – Да не больше, уверяю вас! А потом я вас подвезу! До метро вас устроит? – И он обворожительно улыбнулся.

Она обрадованно кивнула:

– Конечно! Спасибо, какое счастье! А то я уже за дочкой должна торопиться! – затараторила она. – На танцы везти, на другой конец города! А там у них строго.

– Пустяки! – успокоил ее мужчина. – Я вас не брошу! Такое же дело – дочку на танцы! Ну, не к метро, так к стоянке!

Она смущенно улыбнулась и сняла очки. Они посмотрели друг другу в глаза.

«Славная, – подумал он. – Потерянная такая. Беззащитная. Нежная, наверное. Непросто ей в этой жизни».

«Красавец! – подумала она. – Господи, какой красавец! А как галантен! Как воспитан! Как неподдельно участлив! Остались же на свете такие мужики! И повезло же кому-то...»

Ей взгрустнулось, и она присела на скамейку. Галантный красавец что-то обсуждал с наглым Петручио.

Наконец проблема была обозначена, и Петручио медленно поковылял в рабочий отсек. Мужчина подошел к ней и с улыбкой осведомился:

– Кофе?

Она растерянно пожала плечами.

– Аппарат, – объяснил он. – У Петьки стоит аппарат. Поставил, жмот, по просьбам трудящихся. Кофе, конечно, не ах, но... – Он озабоченно посмотрел на нее: – Вы, по-моему, здорово замерзли!

Она смущенно кивнула:

– Что есть, то есть. Такой сильный ветер!

Он улыбнулся:

– Капучино? Эспрессо? Латте?

И оба рассмеялись.

Он двинулся к ангару, а она внимательно смотрела ему вслед. Внимательно и грустно.

Есть же на свете... Есть! Надежные. Уверенные. Сильные. Берущие все на себя. Заботливые. Ответственные... За которыми как за стеной и с которыми ничего не страшно. Вот просто ничего! Не то что мой «царь зверей»!

Только всегда почему-то они достаются другим. Завидно? Обидно? Грустно?

И завидно, и обидно, и грустно! И вечный вопрос: «А почему? Почему?»

И ответа, как всегда, нет.

Общие песни

Обычно это начиналось так... Впрочем, нет, надо рассказывать с самого начала. Дня за четыре начинали закупать продукты – обстоятельно, по списку. Потом составляли другой список – собственно самих блюд. Они долго сидели на кухне напротив друг друга и что-то бесконечно уточняли, корректировали и даже спорили, но, как правило, всегда сходились во мнениях. Вообще, с годами их взгляды, представления или суждения о чем-либо практически на все совпадали.

Потом мать закатывала рукава – и начинала трудиться. Она вообще ко всему относилась либо очень серьезно, либо очень легко, середины не было. Потом она начинала тревожиться, что не застынет холодец или не поднимется тесто.

Накануне отец ставил в гостиной большой раскладной стол. Когда стол был уже накрыт, мать садилась на стул, тревожно оглядывала то, что на этом самом столе стояло, и трагически произносила:

– Я так и знала: еды мало. Может не хватить.

Отец подходил к столу, на минуту замирал, а потом растерянно, с сомнением спрашивал мать:

– Ты думаешь?

Мать медленно кивала головой. Сын, в который раз наблюдая эту сцену, крутил пальцем у виска, уходил к себе и раздраженно хлопал дверью. Вечное наследственное сумасшествие, страх, что гости останутся голодными.

– Ну, есть как есть! – вздыхала мать и уходила – переодеваться и наводить красоту.

Наконец раздавался первый звонок в дверь.

– Открывайте! – кричала из ванной мать, докрашивая глаза.

Отец, уже в рубашке и галстук, распахивал дверь, а мать выбегала из ванной, тоже уже при полном параде. В узкой прихожей начинались радостные вопли и суета. Отец выдавал заранее приготовленные тапочки, а мать принимала конфеты и цветы. И, конечно, объятия и поцелуи. Гости отходили на шаг, придирчиво оглядывая друг друга и хозяев, хлопали по плечам, кокетливо поправляли перед зеркалом волосы, одергивали костюмы и платья. Потом шли на кухню перекурить и обменяться самыми свежими сплетнями. Наконец объявляли полный сбор, и все рассаживались по местам.

Гости оживленно оглядывали стол, просили передать друг другу то заливное, то оливье, подкладывали что-то соседу в тарелку, наливали женщинам в бокалы вина и, конечно же, хвалили мать:

– Ну, ты, Танька, как всегда!

Мать рдела и приговаривала:

– Кушайте, кушайте, мои дорогие!

А «дорогие» делали это с явным удовольствием и искренностью.

Потом опять раздавался звонок в дверь, и все хором кричали:

– Открыто!

Конечно, это приходила Лялька, мамина подружка еще школьных лет и героиня тайных грез ее сына в пубертатный период. У Ляльки и сейчас была талия пятьдесят восемь сантиметров. Опоздания ей прощались: она большой босс, директор рекламного агентства. Жизнь у Ляльки непростая, занята она по горло, и внизу, у подъезда, ее всегда ждал водитель.

Лялька грациозно присаживалась на стул, расправляла складки платья и объявляла, что голодна, как портовый грузчик. Мужики наперебой бросались за ней ухаживать. Она девушка хоть и холостая, но, понятное дело, не одинокая, однако в эту компанию всегда приходила соло.

– Ну их к чертям, – говорила Лялька про своих мужиков. – А то еще привыкнут к хорошему!

Мать гордилась Лялькой и радовалась, что та нашла время и приехала.

– А ты думаешь, я пропущу? Ну и где я еще поем такого холодца? – смеялась Лялька.

Дальше – опять звонок в дверь, и все дружно кричали:

– Гоша!

Действительно, появлялся Гоша, точнее, Георгий Владимирович Быстров, по прозвищу Быстрый, адвокат, владелец адвокатского бюро «Быстров и партнеры». Он, как всегда, был неотразим – костюм, ботинки, портфель, и пахло от него сигарами, дорогой кожей и горьковатым парфюмом. Рядом с Быстрым – очередная блондинка под метр восемьдесят, но на нее никто не обращал внимания. Все пили, закусывали, делились новостями и, конечно, сплетничали. Потом, утолив голод, немного расслаблялись – и наступал час икс.

Отец смотрел на мать, и она кивала: давай! Он вставал, шел в спальню и возвращался с гитарой, потом садился на стул, сосредоточивался и с гримасой на лице, чуть наклонив голову влево, начинал ее настраивать. Отец лукавил: гитара бывала настроена со вчерашнего дня, но ему самому надо было настроиться, и все прощали такое кокетство. Мать называла этот проигрыш «бесамемучас». Наконец он поднимал голову, смотрел на мать, у него темнели глаза и твердели скулы, а мать подтягивалась, выпрямляла спину и сцепляла руки в замок. Отец ей кивал – и она начинала петь. «Надежды маленький оркестрик». Все замирали и переставали есть и пить. Кто-то смотрел перед собой, кто-то – на соседа, кто-то тихо, совсем тихо подпевал. «В года разлук, в года смятений, когда свинцовые дожди лупили так по нашим спинам... – чисто выводит мать, и у всех влажнеют глаза. – И вечно в сговоре с людьми надежды маленький оркестрик под управлением любви».

Мать заканчивала песню, и все несколько минут молчали. Потом кто-то говорил «еще» – и мать начинала петь «Старый пиджак» и «Арбатский романс», потом вступала Лялька, и они вместе, на два голоса, пели «Ты у меня одна». А дальше гитару брал Гоша и, немного фальшивив, что неизбежно вызывало у отца ироничную усмешку, приятным баритоном начинал: «Клены выкрасили город колдовским каким-то цветом. Это значит, очень скоро бабье лето, бабье лето». И эту песню уже подхватывали все.

Потом все недолго грустили и кто-нибудь, вздыхая, предлагал выпить. Потом мать спохватывалась и начинала суетиться, вспомнив про горячее: беспокоилась, что пересушилась баранья нога. Нога торжественно вносилась на блюде в обрамлении картошки и маринованных слив. Большим охотничьим ножом отец начинал крушить эту красоту. Встрепенувшись, все опять оживлялись и наперебой протягивали ему тарелки.

– Нога нежнейшая, – выносил вердикт главный знаток и эксперт Гоша Быстрый, завсегда ресторана.

Все опять с удовольствием ели и поднимали тост за мать.

– Ну что, чай? – спрашивала она, глядя на слегка осоловевших гостей.

– Подожди, Танюш, – останавливали материнский пыл собравшиеся.

Все притихали, отец опять брал гитару, и мать с Лялькой (это у них отлажено будь здоров) запевали на два голоса – мать чуть ниже, а Лялька чуть-чуть выше. Они выводили: «Ах, эта красная рябина среди осенней желтизны, я на тебя смотрю, любимый, из невозвратной стороны», – и все печально подхватывали, хор становился нестройным, что немного сбивало Ляльку и мать.

После песни все почему-то вздыхали и несколько минут молчали, а потом гитару снова брал Быстрый и, картавя, кривляясь и слегка перевирая слова, пел Вертинского: «Сегодня наш последний день в приморском ресторане, мы пригласили тишину на наш прощальный ужин».

– Гошка, ну ты врешь! – смеялась мать, отбирала у него гитару и передавала отцу.

Тот, чуть подкрутив после Гоши колки, пел, глядя на мать: «Милая моя, солнышко лесное!» И все смущенно отводили глаза, понимая, что сейчас они одни в комнате – мать и отец.

А потом Гоша просил отца спеть про муравья. Отец кивал и, вздыхая, начинал: «Мне надо на кого-нибудь молиться. Подумайте, простому муравью вдруг захотелось в ноженьки валиться, поверить в очарованность свою».

И все видели, как темнеет у Быстрого взгляд, как он вздыхает и смотрит в одну точку, – и все отводили глаза, потому что как-то не очень привычно было видеть поникшего и потерянного Гошу, Георгия Быстрова по кличке Быстрый, владельца адвокатского бюро «Быстров и партнеры». Самого успешного из них.

Впрочем, о чем вы говорите? Кто считал в тот момент промахи и победы? Кто думал, на какой машине и в каком костюме кто приехал? Они тогда точно все были равны: успешные и не очень, на «Вольво» или на «Жигулях», одетые с оптового рынка или из бутика с Тверской. Сохранившие размер или расплывшиеся, потерявшие в жизненных боях свои некогда роскошные шевелюры или сохранившие их. Уверенные, что жизнь их прошла не зря, и сильно сомневающиеся в этом. Умеющие брать от жизни все и бредущие по ней тяжело, спотыкаясь и буксуя. Твердо знающие, чего они хотят в этой жизни, и растерянные и растерявшиеся. Они были равны – и они дружно, стройно и уверенно подхватывали:

Каждый выбирает по себе
Женщину, религию, дорогу...

Они были в тот момент прекрасны – все до одного. И каждый из них твердо был уверен, что он точно, почти наверняка, что бы ни случилось в этой жизни, выбрал по себе. И они остались вместе – основной костяк, ядро, двенадцать человек. Было бы больше – но, увы, кто-то уехал в неблизкие края. Слава богу, еще никого не хоронили. Тьфу-тьфу, не приведи господи!

А мать уже хлопотала с чаем – и все женщины, включая томную длинноногую Гошину блондинку, помогали ей накрывать на стол и резать пирог. А мужчины курили на кухне и о чем-то громко спорили.

Он со стыдом вспоминает, как тогда, в его неустойчивые пятнадцать, даже шестнадцать лет его все это раздражало. Да что там раздражало – просто бесило. С кривой ухмылочкой он присаживался на край стула, заявляя этим сразу: «Я тут у вас ненадолго, и не надейтесь», половина какой-нибудь пирожок или кусок ветчины, презрительно хмыкал и кривил морду, слушая их заунывные песни и отвечая на их вопросы, смущаясь, когда отец слишком пристально смотрел на мать, а мать как-то по-особенному улыбалась ему. Потом резко вставал, бросал с издевкой короткое «спасибо» и удалялся в свою комнату. Господи, как надоели все эти «сопли в сахаре»! Он громко хлопал дверью и громко, очень громко включал *свою* музыку. «Металлику», например. Или садился за самопальные барабаны и начинал одурело по ним колотить.

Мать с тревогой смотрела на отца, а тот, тяжело вздыхая, растерянно пожимал плечами. – Протест! – успокаивал умный Гоша и призывал вспомнить себя.

Одурев от своих барабанов, он хватал с вешалки куртку и выскакивал во двор.

Лет в девятнадцать, когда у него появилась первая серьезная девочка и он впервые начал серьезно сходить с ума, ему захотелось привести ее в дом. Девочка помогала матери накрывать на стол, тонко и красиво нарезала хлеб, подрезала длиннющие стебли роскошных чайных роз, любимых маминых, которые принес, конечно же, Быстрый, Лялька тогда сказала ему, как всегда, со своими хохмочками:

– Верной дорогой идете, товарищ! – и похлопала его по плечу. А потом тихо и серьезно добавила: – А ты молодец! Девочку-то выбрал правильную!

Потом эта «правильная девочка» сидела вместе со всеми за столом и подпевала. Она, конечно, не знала слов, путалась и иногда сбивалась, но он тогда просто смотрел на ее лицо. Просто смотрел – и ему становилось все ясно.

А когда были спеты все песни и съедена баранья нога и когда его девочка, надев мамин передник, мыла на кухне посуду, а отец провожал в передней последних гостей, мать, улыбаясь, шепнула ему:

– Берем?

Он кивнул, почему-то совершенно счастливый.

Вскоре он женился – на этой самой «правильной девочке» – и ни разу об этом не пожалел. Жить они начали сразу отдельно, в квартире бабушки, которую родители немедленно забрали к себе. И он, удивляясь себе, почему-то стал остро скучать по своим. Иногда заезжал по будням, невзирая на пробки и усталость, – так, на полчаса, просто посидеть с матерью на кухне и поболтать обо всем и ни о чем. А уж в субботу они выбирались уже вместе с женой обязательно. Она никогда не возражала.

Своя компания у них как-то не сложилась. Так, пара институтских друзей, один друг школьный. Пара подруг у жены – в основном телефонный треп. Иногда встречались где-то в кафе выпить кофе или пива. Но в гости друг к другу не ходили – как-то не было заведено.

Он спросил однажды у матери, почему это так.

– Вы сейчас очень разобщены, да и жизнь такая – всем ни до кого и ни до чего, – пожалала она плечами. – Мы жили, а вы выживаете. Ужасно, конечно, но это, увы, данность. Мы – другое поколение, и у нас все по-другому. Раньше были только кухни, где мы собирались, а теперь неограниченные возможности. Правда, по-моему, люди потеряли больше, чем нашли, но это сугубо мое мнение.

Теперь он спрашивал мать:

– Ну когда же вы соберетесь?

И смущенно добавлял, что успел соскучиться «по всем нашим».

Мать отвечала: «Да, да, конечно», но он видел, что с годами им это становилось все труднее и труднее. Оба работали – и мать, и отец, – оба уставали.

Теперь он вызвался закупать продукты – и мать протягивала ему объемный список. Он привозил продукты и молодую жену на подмогу. И опять все парилось, жарилось и пеклось в четверг и в пятницу, а в субботу они с отцом вытаскивали с балкона раздвижной стол, а его жена ставила на скатерть парадные столовые приборы. Мать опять садилась на краешек стула и опять тревожно осматривала содержимое стола, и складывала руки на груди, тяжело вздыхала и произносила сакраментальную фразу:

– По-моему, мало еды!

Отец подходил к столу, внимательно оглядывал его и задавал один и тот же вопрос:

– Ты думаешь?

И мать медленно и трагично кивала головой.

– Вы сумасшедшие! – кричал он, хватаясь за голову, а его жена смеялась и успокаивала мать.

И снова раздавался звонок в дверь, все хором кричали:

– Открыто!

И отец раздавал в прихожей тапки и развешивал в стенном шкафу пальто и куртки. Мать торопливо докрашивала глаза в ванной, а он на правах хозяина рассаживал гостей по местам.

Снова все с аппетитом ели и нахваливали угощения, и снова все поднимали тосты за мать и за их прекрасный и гостеприимный дом. А он сидел и глупо и счастливо улыбался, потому что имел к этому дому самое непосредственное отношение и очень гордился этим обстоятельством.

Конечно, как всегда, Лялька опаздывала, и, как всегда, Быстрый приходил в умопомрачительном костюме и с очередной умопомрачительной блондинкой, и, как всегда, всем было на нее наплевать. Снова все сплетничали – так, понемножку, – и хвастались фотографиями детей и внуков, и курили на кухне. Как всегда, отец резал тонкими ломтями баранину и спорил с Быстрым, кому достанется самое вкусное – косточка от бараньей ноги. Все вспоминали, кому она досталась в последний раз, и путались в показаниях. Выигрывал всегда Быстрый. Мать говорила, что он наглец, и тот радостно с этим соглашался.

И, конечно, отец брал гитару. Минут десять настраивал ее, а потом поднимал голову и внимательно смотрел на мать. Она вся подтягивалась и собиралась, и у нее взлетали вверх брови и светлели глаза – и она начинала петь. Она пела «Надежды маленький оркестрик», и все грустнели и хмурили брови, вспоминая свои «свинцовые дожди», лупившие по их спинам, но твердо знали, что снисхождение будет едва ли. Они это знали наверняка – потому что все уже знали про эту жизнь. И точно знали, что «снисхождения» не будет. А на последнем куплете их лица светлели, потому что они продолжали упрямо верить, что «вечно в сговоре с людьми надежды маленький оркестрик под управлением любви». Они подпевали, как всегда, нестройно и были прекрасны. И он гордился ими.

Потом брал гитару Быстрый и, как всегда, немного фальшивя, пел, глядя на свою блондинку: «Зачем мы перешли на «ты»? За это нам и перепало на грош любви и простоты, а что-то главное пропало». Но она вряд ли понимала, о чем пел неисправимый романтик и, несмотря ни на что, наивный простак Гоша Быстрый, все еще надеющийся на большую любовь.

Снова чистым и низким голосом подпевала матери одинокая красавица Лялька. После он, сын, немного смущаясь, брал в руки гитару и запевал, глядя на свою молодую жену, – а она улыбалась и проводила рукой по его волосам.

Он пел о любви – потому что он очень любил их всех: и своих родителей, и свою жену, и всех этих немолодых и родных людей, которых знал всю жизнь. Он пел о любви – потому что все песни, в конце концов, о любви. И еще, конечно, о дружбе, верности, надежде и чести. Собственно, обо всем том, чему учили его всю жизнь. И все они, все двенадцать человек – костяк, ядро, все, кто не пропал в житейских бурях, все те, кто по-прежнему вместе, теперь уже, ясное дело, навсегда, такие разные и в чем-то, безусловно, похожие, – дружно и нестройно подпевали ему.

Не родись красивой

Считалось, что Марго крупно повезло, просто выгащила счастливый билет. Пока ее старшие сестры нервно делили перину и две подушки, любовно набитые старенькой бабушкой нежнейшим утиным пухом, младшая, Марго, уже примеряла свадебное платье. Да и партия не из последних, студент последнего курса Академии Внешторга, а это значило – человек с большими перспективами.

Свадьбу играли в квартире Марго, жених был из приезжих. Две старших сестры Марго злобно шипели, утверждая, что жениху нужна исключительно московская прописка. Но это была неправда, жениху очень нравилась невеста.

На краю Москвы, в Гольянове, где еще стояли частные дома, в старом, но еще довольно крепком доме, доставшемся от деда-портного, три дня активно жарили, парили и пекли. Замученная хлопотами мать Марго бегала из погреба на кухню и обратно и вытирала слезы безутешным и завистливым старшим дочерям, которые до того уверенно считали, что последышу, самой некрасивой из трех сестер, уготована участь старой девы.

Творец и вправду был, скорее всего, не в духе, когда на свет появилась маленькая Марго. Девочка была нехороша – не по возрасту крупна, с большими кистями рук и разлапистыми, широкими ступнями, выдающимся носом и толстыми яркими губами. Хороши были только глаза – темные, любопытные, живые.

Росла Марго улыбочивой, неприхотливой и всегда готовой услужить. Безропотно донашивала обноски за сестрами, безропотно помогала вечно хлопотавшей на кухне матери и так же безропотно ухаживала за больным отцом-астматиком.

Так и осталась бы в вечных прислугах, но вмешалась судьба. С Николаем Марго познакомилась в поликлинике – пришла что-то выписать для вечно болевшего отца, а Николай проходил диспансеризацию – в академии требовали справку, что он «практически здоров», а это значит, что его вполне можно делегировать в иностранные державы. В очереди разговорились – и на улицу уже вышли вместе.

Маленький, полноватый, с ранней плешью Николай остолбенел от крупной и яркой Марго, она казалась ему героиней итальянских фильмов шестидесятых. Встречались недолго – гуляли два месяца в Сокольниках, а на третий он попросил ее руки.

Родители Марго от большого душевного волнения и от солидного вида жениха растерялись и обращались к нему исключительно по имени-отчеству. Так и повелось, даже Марго называла его Николай Иванович, с легкой иронией, правда.

Первое время молодые жили у родителей Марго, а спустя три года уехали в свою первую командировку. В Швейцарию, между прочим.

Отношения между молодыми были распрекрасными. Николай Иванович обожал Марго, а Марго обожала Николая Ивановича. Из Швейцарии Марго присылала родственникам мотки яркого мохера и горький швейцарский шоколад. Все было ладно и складно, только вот не давал бог детей.

Через год после Швейцарии уехали в Австрию. Прошло пять лет.

В Москве Марго пошла на обследование. Получила вердикт – абсолютно здорова.

– Ищите причину в муже, – посоветовала врачаха.

Марго была человеком деликатным и решила пощадить нервы мужа. За банку растворимого кофе уговорила сестричку из ведомственной поликлиники показать медицинскую карту мужа. Изучила, аккуратно на листочек переписала мужнины болезни. Показала знакомой докторше. Та быстро нашла самую вероятную из причин – перенесенная в юношеском возрасте тяжелая свинка.

– У вас два пути, – сказала умная докторша. – Первый – взять ребенка из детдома, а второй – решить эту проблему самой.

Причем подчеркнула, что второй способ – менее травматичный.

Марго была женщиной не только умной, но и практичной – и она решила твердо: дети должны быть только ее. И обязательно красивые.

Еще со школьных лет у Марго имелась единственная закадычная подруга Любочка Левина. Любочка была преподавательницей русского языка и старой девой одновременно. Только ей, Любочке, Марго могла доверить свой опасный план. Допоздна они сидели на маленькой Любочкиной кухне, и смеялись, и плакали, и жалели друг друга. Потом сосредоточились и занялись делом.

Ни о каких любовниках речи быть не могло: во-первых, это не нужно было самой Марго, она искренне любила Николая Ивановича, а во-вторых, любой адюльтер мог из тайного стать явным – и тогда прощай карьера Николая Ивановича. Этого допустить они не могли. К первому часу ночи Любочку осенило.

– Аркадий! – громко воскликнула она и тут же испуганно прикрыла рот ладонью.

Аркадий был Любочкин родной брат. Собственно, и для Марго он тоже уже стал практически братом. Старый холостяк, живший с сестрой в одной квартире, работал Аркадий в каком-то НИИ, был нелюдим и неприхотлив. Из своей комнаты почти не вылезал – читал книжки и вяло диссидентствовал, слушал на «Спидоле» вражьи голоса. Женщин чурался, хотя вполне был хорош собой, этакий рак-отшельник. Соблазнить его было делом довольно сложным. Но тут опять – его величество случай.

В январе с сезонным гриппом свалилась Любаша, а через три дня, катаясь на лыжах, Аркадий сильно растянул ногу.

Марго прибежала за ними ухаживать – что, впрочем, было вполне естественно. Сварила бульон, натушила мяса, вымыла полы и протерла пыль. Устала. Домой ехать было далеко. Любочка уговорила подругу остаться ночевать. Ложиться в комнате больной гриппом Любочки было бы полной глупостью. Бросили на пол надувной матрас в комнате Аркадия.

Ночью Марго жалобно сказала, что по полу сильно тянет. Аркадий по-дружески подвинулся к стенке и предложил Марго половину своего дивана. Утром Марго принесла Любочке чай и показала большой палец. Любочка облегченно вздохнула. План не провалился – теперь оставалось уповать на Господа Бога.

Через месяц Марго затошнило. А еще через восемь счастливый и гордый Николай Иванович отвозил Марго в ведомственный родильный дом. Марго родила чудесного мальчика – крупноглазого и черноволосого.

Радости Николая Ивановича не было предела. Теперь он обожал Марго еще больше: подарил ей кольцо с бриллиантом и норковый палантин. Через полгода въехали в новую трехкомнатную кооперативную квартиру, обустроились и еще через год опять упорхнули в командировку, на сей раз в Бельгию. В комнате у счастливой Любочки висела фотография горячо любимого племянника.

Марго с Николаем Ивановичем вернулись в Москву через два года. Купили на чеки серую «Волгу». Марго похорошела – нашла свой стиль. Черные кудри по плечам, яркая помада, крупные серьги в ушах. Женщина-праздник. С Николаем Ивановичем жили еще дружнее – в доме достаток, подрастает умница-сыночек.

Любочка давала частные уроки студентам-иностранцам. Естественно, на дому. Однажды на пороге ее дома Марго столкнулась с молодым студентом – красавцем-кубинцем.

– Люба! – жарко сказала Марго. – Я так хочу девочку!

Бедная Любочка опешила и стала отговаривать подругу.

– Не испытывай судьбу, один раз сошло – благодари Бога.

Но Марго была непоколебима.

Студента-кубинца по имени Хосе пришлось соблазнять подольше. Марго пекла блины и щедро накладывала сверху горки красной и черной икры, варила борщ, жарила отбивные. Изголодавшийся без еды и женщин Хосе сломался через две недели. Любочка тактично ушла в кино на двухсерийный индийский фильм. Аркадий сплавался на байдарках по горной реке где-то в Карелии.

Блины и страстные объятия продолжались три месяца. Нет-нет, Марго совершенно не увлеклась, она по-прежнему любила только Николая Ивановича. Но надо было довести начатое до конца.

Через четыре месяца Марго затошнило. И опять Николай Иванович на светлой «Волге» гордо вез любимую жену в роддом. На сей раз родилась прелестная смуглая девочка с черными, словно нарисованными бровями и крупным ярким ртом.

– Вылитая Маргоша, – умилялся Николай Иванович.

А дальше жили-поживали и добро наживали, очень успешно, кстати.

В перестройку Николай Иванович не растерялся и открыл крупную фирму по торговле офисной техникой. В чем в чем, а в торговле с иностранными державами он был дока – что говорить.

Дети выросли и продолжали радовать родителей. Сын – умница и красавец – работал в фирме отца. Удачно женился и родил двух девочек-близняшек, хорошеньких, как фарфоровые куколочки. Дочка, тоже умница и красавица, вышла замуж за французского бизнесмена и жила на Ривьере на большой вилле в мавританском стиле. Кстати, странно, но брат и сестра были очень похожи друг на друга.

– В красавицу-мамочку, – гордо говорил Николай Иванович, показывая партнерам яркие глянцевые фото.

С Николаем Ивановичем у Марго по-прежнему чудесные доверительные и близкие отношения. Теперь она еще и учредитель его компании и очень толковая помощница. Николай Иванович очень ценит ее и в этом качестве.

Живут они за городом, в большом и красивом доме с бассейном и прислугой.

К любимой подруге Любочке Марго исправно ездит каждый месяц. Привозит ей деньги и продукты. Скромная Любочка всегда отказывается от щедрых даров, расстраивается и даже плачет, но Марго неумолима. К приезду любимой подруги Любочка обязательно делает фаршированную рыбу и яичный паштет (три крутых яйца, жареный лук и куриные шкарки). И рыбу, и паштет Марго обожает.

Они выпивают немного сухого красного вина (у обеих гипертония) и бесконечно болтают. И нет ничего крепче и сильнее их дружбы, проверенной годами и испытаниями, и нет ничего сильнее тайны, связывающей их судьбы.

Любочка не завидует Марго и ее богатой и сытой жизни – Любочка скромна, ей всего хватает. Не завидует тому, что у Марго прекрасный муж – Любочка обожает одиночество, и ей хорошо с самой собой. Любочка гордится своим племянником и его прелестными дочурками и безмерно счастлива, что они у нее есть. Словом, Любочка – настоящий и верный друг. В общем, жизнь Марго удалась, кто бы мог подумать?

Чем обделил ее Бог? Пожалуй, только красотой. Но, как говорится, не родись красивой... И жизнь это, кстати, частенько подтверждает.

Цена и плата

Этот сон давно перестал быть навязчивым кошмаром. Еще одно подтверждение тому, что человек ко всему привыкает. Проснувшись, она опять застонала: ну зачем? Сколько можно, господи! Столько лет! Но, видимо, на это срок давности не распространялся.

Все было как всегда: длинная и узкая, совсем без мебели комната с дощатым некрашеным полом. Тусклый свет, голая лампочка на потолке и серые цементные стены. Они стоят гуськом, друг за другом, низко опустив головы. На них – серые, холщовые, до пола рубашки, из-под которых выглядывают худые и босые ноги с плоскими и бледными ступнями. Руки закрыты рукавами рубашки. Лиц не видно. Они молчат – не тянут к ней руки, ничего не просят. А что просить, когда их лишили главного – жизни. Просто не позволили жить. Странные, словно инопланетные, существа. Эти трое – абсолютно безлики.

Чуть поодаль от них, на полу, стоит светлая деревянная колыбелька. В ней спит щекастый, румяный и кудрявый младенец с длинными ресницами и пухлыми ручками. Вполне осязаемый младенец. Его хочется поскорее взять на руки и прижать к себе, но дотянуться до него невозможно. Она старается изо всех сил – но ничего не выходит.

На этом месте она, совершенно обессиленная, просыпалась. Долго лежала в кровати с открытыми глазами – закрыть их было страшно. Потом вставала, шла в ванную, умывалась холодной водой и постепенно приходила в себя. Дела не ждали. И надо было жить дальше.

Однажды пошла к психологу. Та, умница, объяснила. Каждый нормальный человек, сказала она, живет с чувством вины и раскаяния, просто у всех – разный болевой порог. Кто-то относится к этому как к неизбежной и рядовой процедуре, а для кого-то это очень травматично. Вы относитесь ко вторым. Надо научиться ужиться со своими страхами, договариваться с ними – и станет легче.

Психолог оказалась права. Почти права. Со временем она даже к этому привыкла, научилась относиться как к неизбежному, к данности. И этот сон действительно стал приходиться все реже и реже. Наверное, будь она человеком верующим, было бы легче. Верующим всегда легче – на все есть свои объяснения, можно пытаться отмотить. А так – своими словами. Но как было, так было. В общем, жизнь, как ей положено, продолжалась.

Первый раз это случилось по молодости и по глупости – как обычно это бывает. Скорее, претензии к партнеру – он был старше ее на десять лет. Но расхлебывала, как водится, она, женщина. Впрочем, какая там женщина? Девчонка, восемнадцать лет. Он, кстати, ни от чего не отказывался, даже предложил оставить. Она рассмеялась. Оставить? Ну так, для интереса, посмотреть, какой получится. У него, правда, уже было двое – от разных жен. Она посоветовала ему почаще общаться с уже имеющимися.

– Да и замуж я в ближайшее время не собираюсь, – добавила она. – По крайней мере за тебя.

Он, правда, все устроил – и больницу, и врача. Отвез рано утром, купил яблоки и сок, поцеловал, сказал, что завтра обязательно встретит. Она кивнула и пошла.

Там все было буднично и обычно – конвейер. Одни входили, другие выходили с пленками между ног. Последнее, что она помнит перед уколом, – это лицо врачихи. В очках, с черными усами над верхней губой. Она наклонилась к ней и сказала:

– Первый раз? А знаешь, как опасно? Можешь потом не родить.

«Гадина, – подумала она. – Ведь только что положила мой полтинник в карман».

Замуж она, кстати, вышла через год, по большой любви. И родила дочку. Господи, девочка моя! Какое счастье! Вся жизнь теперь была в этом крохотном и бесценном комочке.

«Попалась» она снова через год, как часто бывает. Гуляла с дочкой на улице и вдруг до судорог захотелось жареной рыбы. Если сейчас же не съест – умрет. Зашла в какую-то зачу-

ханную кулинарию и купила полкило жареной мойвы. Съела прямо на улице, в сквере. Отпустило. И сразу поняла, в чем дело.

Позвонила мужу – он тут же приехал. Пытались обсуждать, но она все время редела, слушать ничего не хотела. За год не спала ни одной ночи – ходила тощая и бледная, как тень. Жуткие роды помнила, как вчера. А говорят, физическая боль быстро забывается. Фигушки! Она помнила весь этот ужас и спустя тридцать лет. (Правда, потом поняла, что бывает боль страшнее физической. Но это будет позже, значительно позже, когда она натворит еще много бед и наделает еще целый ворох глупостей.)

Муж пытался ее отговорить, но она была непреклонна и, самое главное, абсолютно уверена в своей правоте. Он тогда тяжело вздохнул и сказал:

– Ну, как знаешь. Решать тебе.

Она и решила. Понятно как. Снова долго, по знакомым, искали «своего» врача, чтобы обязательно с обезболиванием. В плановом порядке, по направлению из поликлиники, обезбоживание не предусматривалось – сойдет и так.

Больница находилась в каком-то странном, почти мистическом месте, словно на острове. Вокруг ничего – ни домов, ни дорог, только старый и страшноватый заброшенный парк. Древнее, разбитое и облупившееся здание – отбитое крыльцо, разрушенные колонны. Видимо, больница доживала свои последние дни.

Она вошла внутрь без тени сожаления и сомнений. Хотелось одного – чтобы все это поскорее закончилось. Выдали халат на пять размеров больше, чем нужно, и разношенные мужские тапки. Посадили на койку, застеленную серым сырым бельем, и велели ждать. В палате лежали три женщины с грелками со льдом на животах. Одна стонала сквозь сон, а две другие в полный голос общались – у них все было уже позади.

Скоро ее позвали. Врачиха оказалась вполне приветливой и милой, только от нее сильно пахло терпкими и душными духами. Замутило. «Но скоро все это кончится», – с облегчением подумала она. В палате она уснула и только почувствовала, как нянька положила ей на живот что-то холодное. «Лед», – догадалась она.

Проснулась от резкой боли внизу живота. Прежних товаров по палате уже не было – на их местах лежали другие. Подошла нянька и сурово скомандовала:

– Собирайся! Нечего разлеживаться. Дома отоспишься.

Она медленно оделась, собрала вещи и вышла на улицу. Уже стемнело, и было боязно идти через этот страшный парк, хотелось скорее выйти на дорогу и увидеть освещение, машины и дома. Она прибавила шаг. Из первого попавшегося автомата она позвонила домой. Услышала плач дочки и сказала мужу, что сейчас поймает такси. Хотелось скорее к дочке, ей казалось, что она не видела ее целую вечность. Торопила таксиста: ну, пожалуйста, быстрее! Ворвавшись в квартиру, она скинула пальто, схватила дочку на руки, прижала к себе – и громко, в голос, разревелась.

А дальше – дальше потекла обычная жизнь. С заботами и хлопотами, проблемами и тревогами. В общем, как у всех. Дочка росла и радовала родителей. Хорошая получилась девочка, беспроблемная. Мама говорила, что таких детей можно иметь десятком. А вот с мужем отношения разладились. Что-то сломалось – и они стали почти чужими людьми. Жили по инерции, без особой радости.

Когда дочка пошла в первый класс, у нее случился служебный роман. Сначала все было так, что называется «провести время». А потом закрутило будь здоров. Они сами не ожидали и даже растерялись. Выходные теперь стали каторгой. Ждала понедельника, скорее бы на работу. Он, ее возлюбленный, был уже два года как разведен. Ей было хуже, у нее какая-никакая, а семья, приходилось соблюдать приличия.

На тридцатилетие – праздновали, конечно, дома, семьей – сильно закружилась голова и затошнило. Сначала подумала: алкоголь. Дошло все дня через три. Конечно, ужаснулась. Знала точно, что не от мужа, – они уже давно спали в разных комнатах.

На следующий день рассказала любимому. Он растерялся, а потом с сомнением сказал: – А может, оставить?

Она с удивлением посмотрела на него. Вроде планов на совместную жизнь они никогда не строили. Она почему-то была тогда твердо уверена, что, несмотря ни на что, от мужа не уйдет. Думала о дочке: сама росла без отца – а отцом ее муж был прекрасным. Это все и объясняло.

Мужу ничего объяснять, слава богу, не пришлось – было лето, и он жил на даче. Наступили другие времена, и нужды в знакомом докторе уже не было. Повсюду, как грибы, разрастались частные клиники. Отдельная палата – пожалуйста, обезболивание – на здоровье, только платите деньги.

Любимый отвез ее рано утром. Погода стояла чудесная, абсолютно оптимистическая погода. Путь был неблизкий, но ехали молча.

Потом он сказал:

– По-моему, мы что-то делаем не так.

Она отмахнулась:

– Да нет, все правильно. Рожать хорошему человеку чужого ребенка?

– А мне? – спросил он.

– А что, ты уже готов? – усмехнулась она.

Он ничего не ответил.

«Все правильно, – подумала она тогда. – Все я делаю правильно».

В клинике все прошло без сучка без задоринки – прекрасная палата, вежливые врачи. Никаких тебе нянечек с окриками и грязными тряпками.

Через три часа она вышла на улицу. Его машина стояла у подъезда.

– Ты что, не уезжал? – удивилась она.

Он покачал головой.

– Мне почему-то казалось, что ты можешь передумать, – ответил ее любимый.

– Это вряд ли, – жестко ответила она. – В конце концов, это тяжело – все брать на себя.

– А разве я от чего-то отказываюсь? – обиделся он.

– Просто кому-то из нас надо было бы быть порешительней, – ответила она.

Потом она часто думала, что надо было тогда уйти от мужа. Все и так катилось в таргараы, на что она тогда рассчитывала? Что все еще образуется? Ведь понимала, что вряд ли, что конец их семейной жизни был уже ясен. И тогда жизнь наверняка сложилась бы по-другому. Но что рассуждать? Как вышло, так вышло. Просто казалось, что впереди еще так много времени, и такая длинная жизнь, и что она еще точно все успеет. В этом она практически не сомневалась.

От мужа она ушла через год. Продолжать жить во вранье было невыносимо. Расходились муторно и тяжело. А разве бывает по-другому?

Новая жизнь сначала тоже складывалась непросто. Сошлись два взрослых состоявшихся человека, со своими «примочками» и «тараканами». Но все вывезла любовь. И скоро все ее сомнения, правильно ли она поступила, ушли. Правильно, безусловно, все правильно. По-другому просто и не могло быть.

Только с детьми больше не получалось. А как они хотели! Мальчика, непременно мальчика. Для полного комплекта, ведь девочка уже была. Конечно, ходили к врачам. Те разводили руками – вы оба определенно здоровы. В чем дело, не понимал никто. Оставалось только надеяться. Вот тогда она в первый раз подумала... Такой счастливый брак! И они так хотели общего ребенка! Нет, нет, отношения у дочки с отчимом сложились прекрасные. Да какой,

право слово, отчим? Он стал ей прекрасным отцом, близким, родным человеком, родные отцы такими бывают нечасто. Но тогда еще было уйма сил, планов и здоровья – и так хотелось ребенка.

С годами они смирились. Ну что поделаешь, не получилось. Работали, путешествовали, принимали гостей. В общем, жили полной жизнью. Но все еще мечтали, что говорить, все еще надеялись!

Забеременела она через десять лет. Ей уже исполнилось сорок, а мужу – пятьдесят. Как они тогда растерялись! Уже практически и не надеялись. Да что там – уже просто перестали об этом думать, понимали, что немолоды и нездоровы. И их привычная размеренная жизнь обоим нравилась и обоим вполне устраивала. Врачи были категоричны. Во-первых, возраст, кстати, обоих родителей – а это уже проблемы с генетикой, совсем не шутки, это группа риска. Во-вторых, не все так гладко со здоровьем, причем у обоих. Это риск удваивало. Она тогда подумала о дочке, естественно. И еще о маме и муже. А если с ней что-нибудь случится? Ну, если, не дай бог, что? Имеет ли она право так рисковать? Конечно, бывали женщины с проблемами и посерьезней, которые плевали на разговоры про риски, не обращали внимания на уговоры врачей и шли напролом до конца. Но она, видимо, не входила в ту когорту смельчаков. А может, привыкла все продумывать и просчитывать. Или банально испугалась сложностей и оказалась трусихой. Ходила к врачам по кругу, как цирковая лошадь, и не знала, как быть.

Все решил разговор с дочкой. Та посмотрела испуганными глазами, прошептала:

– А если что, мамочка? Я же не смогу без тебя! – Уткнулась ей в руки и разревелась.

Тогда все и решилось. Она твердо сказала:

– Ничего не будет. Ты – это самое главное, что есть у меня в жизни.

В тот момент много что наложилось, как будто все было против них. У мужа начались проблемы с бизнесом, да еще какие, реальная угроза остаться без куска хлеба. Как следствие – микроинфаркт: надо было его вытаскивать. У дочки закрутился бестолковый роман со взрослым женатым человеком. Она совсем потеряла голову и сутки напролет рыдала у нее на плече. Попала в больницу свекровь. В общем, силы были на исходе. Возле всех надо было крутиться и принимать участие. Все ждали от нее помощи – впрочем, как всегда. И она поняла, что ей нужно делать. Какие сомнения?

Вот тогда ей досталось по полной программе! Как будто был заранее написан весь сценарий ее страданий и мук. Сначала ее не взял наркоз, хороший, качественный наркоз. Все – наживую. Врачи ничего не понимали. Все было сделано как надо. И она, обычно терпеливая, кричала в голос от боли. Слышала все звуки адской машины, выдиравшей из нее жизнь. Наверное, тогда вместе с куском плоти из нее вытащили и душу.

Муж сразу увез ее из больницы. Оставаться там было невозможно. В машине она мечтала: «Только бы скорее домой! Забраться под одеяло и выпить снотворное. И провалиться, и ни о чем не думать. Хотя бы сегодня, хотя бы сегодня». А как просыпаться назавтра и жить дальше, она пока не представляла. Хотя нет, наверное, догадывалась.

Назавтра она уже не встала. И через день – тоже. Родные забили тревогу через две недели. У нее ничего не болело – она просто лежала с закрытыми глазами и не хотела смотреть на этот мир.

Началась бесконечная череда врачей. Сначала – светил-профессоров, потом пошли экстрасенсы и биоэнергетики, кореец-иглотерапевт, травники и знахари. Напоследок муж привез из деревни какую-то бабку. А она все не вставала. Врачи разводили руками и назначали новые обследования. Муж выносил ее из машины на руках. Ничего плохого не подтверждалось, а она все равно не вставала. Муж и дочь ходили на цыпочках, говорили шепотом. В доме отчетливо пахло бедой.

Вот тогда она поняла, что бывает боль пострашнее физической, куда страшнее. И еще чувство вины – непреходящее, неизбывное. И она все поняла про свою болезнь. Светила не поняли, а она поняла.

Стало ясно, какой нужен врач. Нашли. И врач подтвердил ее предположения.

– Болезнь века? – слабо улыбнулась она.

Врач покачал головой.

– А знаете, почему Ван Гог отрезал себе ухо?

Она не знала.

– Для того чтобы физической болью заглушить душевную. Потому что физическую терпеть оказалось легче. Но теперь, слава богу, все значительно проще, есть препараты.

И началось лечение. Но еще около года из дома она не выходила – не было сил. И слезы лились непрерывно, неиссякаемым потоком, который она никак не могла остановить.

Весной, в первые теплые дни, муж повез ее за город. Уже несмело пробивалась первая молодая трава, и даже появились маленькие желтые цветочки, названия которых она, конечно, не знала. Она сидела на раскладном стуле, глубоко дышала и смотрела на лес. Муж собирал хворост для костра. Потом сорвал две веточки вербы и протянул ей. Она поднесла вербу к лицу и закрыла глаза. Ветки пахли весной. Она вдруг подумала, что давно не ощущала никаких запахов, подставила лицо мягкому, еще не набравшему тепла солнцу и впервые за многие месяцы улыбнулась. Муж присел на корточки возле нее, взял ее руку и заплакал.

А потом они решили купить дачу. На последние деньги. Каждые выходные садились в машину, брали корзинку с бутербродами и термосом и мотались по Подмосковию.

Она точно знала, какая ей нужна дача: маленький домик с терраской и березки на участке. Им несказанно повезло – они нашли ровно то, о чем мечтали: совсем еще нестарый дом в три комнаты, с печкой и открытой террасой. На участке росли сосны и две большие березы, а рядом цвели незабудки.

Они сами покрасили рамы, поклеили свежие обои и купили на террасу большой круглый стол. Под окном она посадила незатейливые цветы – нарциссы, бархатцы и примулу. Повесили занавески на окна и фотографии на стены. Дом сразу стал живым и родным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.